

Михаил Палев

Знак Ганнибала

Артефакт & Детектив

Михаил Палев

Знак Ганнибала

«Палев Михаил»

2009

Палев М.

Знак Ганнибала / М. Палев — «Палев Михаил»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-37013-9

От зловещей копии знаменитой картины Жерома «Переход Ганнибала через Альпы» лучше держаться подальше. Иначе рано или поздно она проявит свою страшную суть, объявившись у нового владельца, и быстро доведет его до могилы... В доме Элиса Карсавина под самое Рождество, похоже, завелось привидение. Причем какое-то злобное – отстреливающее гостей! А может, это тайный враг хозяина, мстящий за что-то его друзьям? Один из приглашенных – Мечислав, автор детективных романов, пытается разобраться в происходящем. Вскоре погибает и сам Элис, причем все обставлено как самоубийство. А главная загадка – какое отношение к случившемуся имеет недавняя кража копии знаменитой картины французского художника Жерома, – копии, ставшей почти легендой?..

ISBN 978-5-699-37013-9

© Палев М., 2009
© Палев Михаил, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Палев

Знак Ганнибала

*Моему другу Олегу Гаврюшину
посвящаю*

Пролог

Город Умань, 1932 год

Он сделал последний мазок и отложил кисть в сторону. Да, ему удалось раскрыть секрет непревзойденной естественности полотен Жерома! Казалось, что плащ Ганнибала трепещет не от ветра, дующего с заснеженных альпийских вершин, а от легких порывов сквозняка из приоткрытого окна. Правая рука полководца указывала солдатам на перевал, где после последнего перехода их ждала слава. Сам герой уже мыслями был там, на равнинах Италии. И пусть римские легионы тешат себя тщетной надеждой на то, что войско Ганнибала, внушающее им ужас, погибло под лавинами, а тела солдат унесли воды быстрых горных рек.

Он взглянул на оригинал и горько усмехнулся. Заведующий районным отделом Народного комиссариата просвещения, по заказу которого художник создал копию, был твердо уверен, что на оригинале изображен Спартак. В договоре (дубовые формулировки!) так и значилось: «В связи с отправкой согласно указания Наркомпроса оригинала картины в Москву, с целью повышения культуры и углубления революционного воспитания масс, сделать копию картины неизвестного художника, изображающую вождя римского пролетариата Спартака, штурмующего Везувий». Жером – «неизвестный художник»! Спартак, штурмующий Везувий! И этот человек руководит «просвещением района»!

Звякнул дверной колокольчик.

– Открыто! – крикнул художник.

В комнату вошли завхоз районного отдела Наркомпроса и двое грузчиков.

– Ну что, готово? – деловито спросил завхоз.

– Оригинал можете забирать, а копию я только что закончил, – ответил художник. –

Краски должны высохнуть.

– Тогда мы в пятницу вашу картину заберем, а ту, с которой вы срисовывали, сейчас возьмем, – решил завхоз. Он подошел к только что законченной копии Жерома и восторженно поцокал языком.

– Да, от настоящей не отличить! Так, товарищи, упакуйте картину в бумагу и аккуратненько несите в повозку. И глядите у меня! Если вдруг холст проткнете или, еще хуже, раму поломаете, я расценю это как вражескую вылазку!

Грузчики принялись заворачивать картину в оберточную бумагу и перетягивать бечевкой.

– Извините, – нерешительно обратился художник к завхозу. – А нельзя ли мне деньги сейчас получить?

Для него это был принципиальный вопрос: этот заказ был единственным за последние полгода, а скудного жалованья жены на двоих катастрофически не хватало.

– Ну что же! Работа выполнена, так что извольте получить! – согласился завхоз, вынимая пачку денег и отсчитывая купюры. – А вы пока расписочку напишите, для отчетности.

– Да-да, разумеется! – обрадованно согласился художник.

Как на грех, чернила в чернильнице высохли, и ему пришлось воспользоваться чернильным карандашом. Когда расписка была готова, завхоз забрал ее, внимательно перечитал, одоб-

рительно крикнул и положил на стол перед художником тонкую стопку денег и конверт без надписи.

– Это что такое? Что там в конверте? – удивился художник.

– А это ваша супруга просила вам передать лично в руки, – пояснил завхоз.

Художник схватил конверт и вытащил свернутый втрое листок бумаги с коротким посланием. Он сразу узнал почерк жены.

«Прости меня, дорогой мой Володенька! Но я больше не в силах выносить эту нищету, из которой мы не можем выбраться вот уже десять лет. Я уйду к Ивану Прохоровичу. Он признался мне в своих чувствах и позвал меня к себе жить. Дело не только в том, что Иван Прохорович, как заслуженный большевик и заведующий райотделом Наркомпроса, может обеспечить нам достаток, который позволит мне наконец оставить давно опостылевшую службу в районном коммунальном хозяйстве. Он откуда-то знает, что ты был у белых, но обещал не сообщать об этом в ГПУ, если я соглашусь на его предложение. Я уверена, что он сдержит слово. Но ведь нельзя быть так же уверенным в том, что твое прошлое не станет известно еще кому-то. И этот «кто-то» может оказаться вовсе не таким порядочным человеком, как Иван Прохорович. Поэтому тебе лучше не только навсегда уйти из моей жизни, но и уехать из этого города. Прощай, мой любимый! Прости, что наши пути разошлись: видно, так суждено.

Когда-то твоя, Леся».

Художник достал портсигар, вынул из него папиросу и принялся разминать ее онемевшими пальцами. Завхоз зажег спичку, но художник невидящим взглядом смотрел в пространство перед собой. Из папиросы высыпался на стол почти весь табак.

– Владимир Аполлинарьевич! С вами все нормально? – обеспокоенно воскликнул завхоз.

– Что? – очнулся художник. С недоумением помотрел на мятую папиросную гильзу и бросил ее в пепельницу. – Да, голубчик, все нормально, все хорошо, – пробормотал он, доставая из портсигара другую папиросу. – Дайте-ка мне еще огня, милейший.

– Извольте!

Завхоз вновь зажег спичку, но художник не стал прикуривать, а поднес к пламени бумажку с прощальным посланием от жены. Листок вспыхнул, художник бросил его в пепельницу.

– Вы бы деньги пересчитали, Владимир Аполлинарьевич! – посоветовал завхоз. – Для порядка.

– Да, порядок должен быть, – согласился художник.

Но он не стал пересчитывать купюры, а решительно поднялся со стула и подошел к комоду. Достал из нижнего ящика револьвер системы «наган», прокрутил барабан, проверяя наличие патронов, и взвел курок. Завхоз испуганно отпрянул, грузчики разинули рты. Художник, не обращая внимания на обомлевших рабочих, схватил с комода рамку с фотографией жены и швырнул ее в угол.

– Исчезнуть? Уйти из жизни? Изволь! – Художник горько рассмеялся и яростно выкрикнул: – Будьте вы прокляты!

На глазах у замершего от ужаса завхоза художник быстро сунул в рот револьверное дуло и решительно нажал на курок.

Глава 1

Я лежал в грязи, абсолютно голый. Не знаю, можно ли расценивать лежание в грязи как лечебный процесс, если это – грязь бывшей картофельной грядки. Средняя (для конца октября) температура – между нулем и плюс пятью градусами. С точки зрения трезвомыслящего человека, такое лежание неизбежно должно завершиться воспалением легких. Было бы очень разумно вернуться в щедрое тепло бани, находившейся в трех метрах от меня. Но по моему лицу текла кровь из лба, рассеченного алюминиевым петухом. А пару минут назад над моей головой просвистела самая настоящая пуля, выпущенная в мою сторону из самого настоящего пистолета. И посему затаившийся во мне трезвомыслящий человек рекомендовал мне лежать в грязи и не высовываться. Ведь нельзя было с полной уверенностью утверждать, что следующая пуля не попадет мне в лоб.

Я лежал в грязи и думал: зачем мне, сугубо городскому и абсолютно цивилизованному человеку, понадобилось в эту гнуснейшую осеннюю погоду тащиться далеко за город, на чью-то чужую дачу?!

* * *

Причиной этой загородной поездки, нелепой для любого нормального человека, стал мой двоюродный брат Артем. Точнее, его иезуитская способность внушать людям идеи, абсолютно чуждые их менталитету.

– Да ты что, Слава?! Ты не представляешь, какая там сейчас благодать! – проникновенно вещал он, закатывая от избытка чувств глаза. – Дачники разъехались, даже теща уже с неделю как в Москву подалась. В лесу опять полно, рыба в речке аж из воды выпрыгивает! Прикинь: с утра идем по грибы, потом обедаем, конкретно, шашлычком, с водочкой, отдыхаем.... А потом – банька! Настоящая, русская: с печкой-каменкой, квасом и березовым веником. А после бани – снова шашлык с водочкой. Опять же: теща весь подвал за лето маринадами и соленьями забила. И огурчики там есть, и помидорчики, и даже твои любимые патиссончики! А капуста квашеная?! Да с яблочками мочеными! А грибочки!!!

Тут Артем закатил глаза так глубоко, что зрачков совсем не стало видно.

– Ты представь только, – перешел он на гипнотизирующий полусшепот. – Маслятки: сопливенькие, ароматные, прямо из баночки, да на тарелочку! Водочка ледяная, наливаешь ее в рюмочку – а та, зараза, запотеваешь! Ты масленочка вилочкой цепляешь, а он уворачивается, подлец.... Да куда он денется?! Ты его подцепил, рюмочку взял – и опа!!! И потекла водочка холодная по пищеводу в желудок, а ты ее масленочком придавил, – и побежала волна теплая по всему телу! И повторяем, ибо между первой и второй промежуток нулевой,... а тут уж и шашлычок поспел, дымится.... И никто нам не скажет: «А не пора ли вам закругляться, мужики? Ночь-полночь, мне завтра на работу, дети уснуть не могут, а у мамы голова болит...». И курим, блин, прямо за столом! Ну, что скажешь?!

А что тут скажешь? Ну и кто бы смог устоять?! И я не устоял.

* * *

Дача Артема находилась километрах в семидесяти от Москвы, недалеко от речки со странным названием Шерна. Раньше эта дача принадлежала моему старому другу Алексею Карсавину. В 90-е годы Алексей занялся бизнесом, разбогател и перебрался поближе к Москве,

в большой каменный дом с огромным земельным участком. А старую дачу, построенную лет сорок тому назад еще его дедом, он недорого продал со всей обстановкой Артему.

Обстановка включала многочисленную старую мебель различной степени ветхости, а также с полтора десятка копий картин старых мастеров. Происхождение этих полотен таково.

Едва Алексей Карсавин (в среде друзей и знакомых – просто Элис) обзавелся деньгами, как тут же принялся скупать в больших количествах мецанский китч: аляповато отлитые и покрытые медью железные статуэтки, канделябры и прочую ремесленную продукцию «под старину», а также написанные маслом картины «в старинном стиле». В начале девяностых оказавшиеся на мели государственные организации распропадавали украшавшие госучреждения копии полотен известных, малоизвестных и неизвестных мастеров за более чем символическую цену – обычно не превышавшую стоимость литровой бутылки спирта или трех килограммов сахара. Элис, как безумный, скупал все эти покрытые масляными красками куски холста (причем золоченые рамы составляли основную часть их стоимости) и с энтузиазмом развешивал их на даче, словно оформляя декорации для костюмной драмы.

Лестничную площадку между первым и вторым этажами дачи украшало большое (примерно полтора на два метра) полотно неизвестного художника под названием «Вожьдь восставшего римского пролетариата Спартак». Во всяком случае, именно такое название имелось на обороте картины между инвентарным номером и штампом краеведческого музея города Умань. На картине мускулистый мужик в пурпурном плаще и золоченом шлеме, с обнаженным мечом в руке, вел своих соратников по ущелью на фоне заснеженных горных вершин. Картина была так тщательно прописана в деталях, что напоминала иллюстрацию к учебнику истории Древнего мира – любимой книге его детства, – и потому висела на самом видном месте в доме Элиса.

* * *

Сему злополучному «произведению искусства» в духе классицизма еще предстоит сыграть довольно зловещую роль в моем повествовании, поэтому я и счел необходимым остановиться на нем более подробно, чем на остальных предметах дачной обстановки – настолько же аляповатых, насколько и безвкусно-претенциозных.

* * *

Естественно, что с наступлением истинно «новорусского» благосостояния вся эта совковая псевдороскошь вкупе с подгнившим бревенчатым дачным наследием предков перестала представлять интерес для Элиса. И поэтому Элис без колебаний по умеренной цене, да еще и в рассрочку, продал дачу Артему. Артем был на седьмом небе от счастья: ведь теперь его теща с апреля по сентябрь безвылазно сидела на даче, выращивая урожай овощей и фруктов и предоставив московскую жилплощадь для спокойного развития семейной жизни Артема. А в остальное время года Артем использовал дачу как место для уединенного мужского отдыха.

* * *

Артем довез меня до дачи на собственной машине, поэтому семьдесят километров по Горьковскому шоссе, невзирая на свою врожденную неприязнь к поездкам, я перенес легко.

Рядом с хорошо знакомым мне старым бревенчатым дачным домом Карсавиных выросла новенькая банька из цилиндрованных, сияющих лаковой желтизной бревен, крытая блестящим металлическим гофром. На коньке банной крыши, прямо над входом, я увидел отштампован-

ный из листа алюминия силуэт петуха: мой подарок Артему, который я сделал ему во время трехдневного отмечания покупки дачи.

Пока Артем налаживал баню, я выгрузил привезенную снедь и подготовил мангал для шашлыка. Начали мы с легкого пива с такой же легкой закуской – памятуя о том, что перед баней нельзя перегружать организм. Артем нанизал мясо на шампуры, засыпал уголья в мангал, чтобы сразу же по окончании банного ритуала приступить к шашлычному священнодействию. Шампуры с мясом он разложил на столе застекленной веранды, чтобы поселковые псы не могли там похозяйничать. В углу веранды я разместил и наши алкогольные запасы: днем температура воздуха не поднималась выше десяти градусов – идеальная температура для водки и пива.

* * *

Честно говоря, я не любитель бани и потому большую часть времени сидел в углу на нижней полке, нахлобучив на голову войлочную буденовку и чувствуя, как уши мои от жара свиваются в трубочки. Зато Артем наслаждался банным удовольствием сполна: заставлял охаживать его березовым веником, выскакивал на улицу и с диким гоготом окунался в наполовину врытую в землю железную бочку с дождевой водой.

– Слава! Ну, ты и лошара! – с досадой воскликнул Артем, вваливаясь с улицы в предбанник. – Хоть бы раз окунался! Ты не представляешь, что это за удовольствие! С разбегу, распаренным, да в ледяную водичку...! Вылезаете – словно заново родились! Такое удовольствие! А ну, давай, быстро, разок окунись!

Легко подавив мое вялое сопротивление, Артем вытолкал меня на крыльцо бани. Но окунуться в холодную октябрьскую воду мне не было суждено. Выскочив на крыльцо, мы увидели зрелище, не оставляющее равнодушным ни одного человека: дом горел.

Багровые сполохи метались в окнах, дым уже валил из всех щелей, и попытаться потушить старое бревенчатое сооружение, очевидно, было бессмысленно.

– Да что за хрень! – возмущенно завопил Артем и сломя голову, в чем мать родила, бросился к дому. Я не последовал его примеру – в силу моего возраста голос разума во мне звучит сильнее. Хотя недоброжелатели указали бы в качестве главной причины моей нерасторопности тот факт, что горела не моя дача.

Я стоял на ступеньках бани, ежась от ледяного ветра и размышляя: бежать ли мне вслед за Артемом в одежде Адама или вернуться в предбанник, чтобы хотя бы натянуть джинсы и набросить на плечи куртку?

Впрочем, мои колебания длились недолго. Из-за угла дачи появился человек, одетый во все черное. Осенью темная немаркая одежда – дело вполне обычное, но человек этот, ко всему прочему, счел необходимым надвинуть на лицо вязаную шапку-балаклаву с прорезанными в ней отверстиями для глаз и рта. Дальнейшие его действия оказались не менее подозрительными, чем внешний вид: он коротким замахом забросил в ближайшее окно какой-то небольшой предмет. Зазвенело разбитое стекло, и почти сразу же в окне полыхнул багровый отсвет пламени.

Действия незнакомца не укрылись от взгляда Артема. Он заорал в его сторону нечто вроде: «Ах ты, бя! Урою!» Как нельзя более кстати, Артем как раз пробежал мимо штыковой лопаты, лежавшей на куче пожухлой картофельной ботвы. Он подхватил лопату и, держа ее наперевес, подобно античному метателю дротиков, устремился к поджигателю.

Тот оказался не робкого десятка, и зрелище бегущего ему навстречу голого спартамца его не устрасило. Он повернулся к Артему и вытянул руку с зажатым в ней длинным предметом. В первый момент мне показалось, что сейчас я увижу сеанс фехтования, с применением шты-

ковой лопаты и обрезка водопроводной трубы. Но через мгновение в метре перед Артемом взлетел фонтанчик земли, и до меня дошло: это пистолет с глушителем!

До Артема факт появления на сцене огнестрельного оружия дошел едва ли не быстрее, чем до меня: мой друг метнул лопату в поджигателя и рыбкой нырнул за кучу ботвы. Поджигатель ловко уклонился от летевшей в него лопаты и направил пистолет в мою сторону. Я даже не успел осознать, что сейчас последует, а просто застыл столбом и зачарованно смотрел на бесшумную смерть, уставившую зрачок глушителя прямо в мое лицо.

Пуля пролетела над моей головой и с противным звоном ударилась о металл крыши. В следующий момент меня больно стукнул клювом по голове алюминиевый петух, сбитый пулей со своего насеста. Удар вывел меня из оцепенения: петух еще звенел, прыгая по ступенькам крыльца, а я уже лежал ничком в грязи между разрытыми картофельными грядками.

Октябрьская грязь со злорадным чваканьем приняла меня в свои ледяные объятия. Я лежал в ледяной жиже и ужасался: зачем мне, сугубо городскому и абсолютно цивилизованному человеку, понадобилось в эту гнуснейшую осеннюю погоду тащиться далеко за город, на чужую дачу?! Чтобы какой-то маньяк пристрелил меня, и я лежал бы, голый и грязный, под октябрьским дождем, переходящим в снег, дожидаясь отправки в районный морг?!

Нет, не хочу!!!

* * *

Я осторожно приподнял голову и убедился, что опасность миновала: поджигатель явно не собирался убивать меня и Артема, он лишь обеспечивал свой отход – во всяком случае, его уже не было видно. Дом полыхал, как огромный жертвенный костер. Свою задачу негодяй выполнил вполне успешно.

Артем тоже понял, что угроза миновала: он выскочил из-за кучи ботвы и устремился к дому. Я не успел даже крикнуть ему вслед что-нибудь типа: «Не делай глупостей!» Он уже скрылся в задымленном проеме двери на веранду. Он с ума сошел?!

Я вскочил и рысью помчался к дому. Я уже не обращал внимания на холод и боль в исколотых обломками сухого бурьяна ступнях, а соображал: как мне вытащить из дома Артема? Похоже, скоро рухнут балки, лезть в дом очень опасно. И дымины там – не продохнуть! Но... бросить Артема в пылающем доме?! Нельзя. Что же делать?!

К моему огромному облегчению, Артем выскочил из объятых пламенем дома, когда я еще не успел добежать до веранды. На его голове тлел войлочный колпак в виде шлема викинга; рога шлема дымились, подобно фитилям мушкетов, но на самом Артеме видимых повреждений не наблюдалось. В руках он тащил то, что не должно было сгореть ни при каких обстоятельствах: сумку с водкой, коньяком и пивом.

– Держи, Слава! – прокричал он, сунув мне сумку. – Хорошо, что мы поставили ее на веранду охладиться, а то бы..... А мобилы погорели, не смог спасти! Ладно, побегу к соседям: ментов и пожарных вызывать. Слышь, мужик?! Ментов и пожарных вызывай, срочно!

Последние его слова адресовались охраннику коттеджа напротив, который вышел за пределы охраняемой территории, чтобы поглазеть на пожар. Охранник отреагировал вяло: то ли он по жизни был флегматиком, то ли его привел в замешательство вид двух голых мужиков, босиком месивших октябрьскую грязь возле пылающего дома.

– Вот козел! Стоит столбом! – Артем припустил в сторону охранника.

Я не составил ему компании: после ледяной грязевой ванны у меня зуб на зуб не попадал, и я помчался в сторону бани. Сумку, разумеется, я не забыл. Содержимое сумки в сложившихся обстоятельствах являлось для нас безусловной ценностью.

Я смыл грязь горячей водой, но все равно не согрелся: меня продолжал бить озноб. Потому пришлось для профилактики воспаления легких – исключительно для профилак-

тики! – махнуть залпом стакан водки. Зажевывая огненную жидкость соленым огурчиком, я принялся лихорадочно одеваться. В армии во время «ночных полетов в казарме» на одевание под суровым взглядом сержанта у меня уходило около сорока пяти секунд. Сейчас ушло, наверное, не меньше трех минут.

Выскочив наружу, я услышал тяжелые удары по железу, доносившиеся от дома через дорогу. Помчавшись в том направлении, я увидел нечто вроде фрагмента шоу «голые и смешные»: Артем, чью единственную одежду составляла войлочная шапка, ожесточенно бил в ворота особняка обрезком здоровенной трубы, не забывая изощренно материться при этом.

Я попытался его унять:

– Ты с ума сошел?! Оденься, простудишься!

– Нет! – решительно отпихнул меня Артем. – Пусть эта сука поганая вызовет пожарных!

И он снова с остервенением заколотил в ворота. Он явно не отдавал себе отчета в происходящем. Я в отчаянии стоял рядом и лихорадочно размышлял, что предпринять. Опасаясь за здоровье Артема, я сбежал в баню, принес бутылку водки и заставил Артема выпить стакан в паузе между ударами в ворота.

И тут появились пожарные и милиция.

От пожарных толку было мало. А точнее, вообще никакого: дача Артема уже представляла собой декорацию к сцене «Горящая Москва» из знаменитого фильма Сергея Бондарчука. Для очистки совести пожарные полили из брандспойта соседский сарай, да и то все это быстро пресек сосед, кинувшийся на пожарных с матюками и огородной тяпкой: в сарае у него хранилась китайская мануфактура.

А вот милиционеры действовали энергично. Для начала они уложили нас с Артемом носами в грязь, отобрали трубу и недопитую бутылку водки. Тут же появился охранник особняка, красочно описавший, как два пьяных педераста подожгли дом и отплясывали вокруг него свои извращенческие пляски, а потом кинулись поджигать особняк, который он, охранник, мужественно отстоял, с риском для собственной жизни и здоровья. Для придания убедительности своим словам охранник периодически пинал валявшуюся на дороге злополучную трубу и восклицал: «Прикинь! Ведь охреначили бы этой штукой, так мало бы не показалось!»

Милиционеры понимающе кивали и осуждающе посматривали на нас с Артемом. В охраннике, несмотря на специфику его профессии и личную озлобленность против нас, все-таки остались некие крохи доброты: он принес Артему тряпье, оставшееся от молдавских строителей. Набор тряпья включал в себя донельзя заношенное пальто без пуговиц и дырявые сапоги. Замерзший Артем без возражений облачился в пожертвованное имущество. Пальто на голое тело в сочетании с войлочным норманнским шлемом производили весьма комичное впечатление: не то попавший в плен викинг, не то пойманный в парке эксгибиционист.

Наш вид плюс ополовиненная бутылка водки отнюдь не свидетельствовали в нашу пользу. Поэтому уже через сорок минут мы сидели в камере ближайшего отделения милиции.

О пережитом мне не хочется вспоминать. Скажу лишь, что, когда утром следующего дня за нами явился адвокат Артема, я был готов чистить ему ботинки собственными усами и гладить шнурки.

* * *

С активной помощью адвоката нам с Артемом все-таки удалось убедить стражей порядка, что мы, скорее, пострадавшая сторона, нежели правонарушители, и к вечеру я наконец оказался дома.

– Лучше бы они нас в вытрезвитель сразу отправили, – мрачно сказал я Артему, тоскливо оглядывая перемазанную в грязи одежду. – Там хоть душ принять можно.

– В другой раз, братан, ладно? – с сарказмом отозвался Артем. – На вытрезвитель сегодня у меня уже сил нет!

* * *

Дома меня встретила жена. Несколько мгновений она ошеломленно изучала мой непрезентабельный вид, затем, наконец, обрела дар речи.

– Ты вроде бы в баню ездил? – зловецким тоном осведомилась она. Мне оставалось лишь сокрушенно вздохнуть.

– погоди, сейчас догадаюсь, – наморщила лоб жена. – У вас с Артемом закончилась водка, и вы ночью, через лес, отправились в ближайший магазин. Магазин оказался закрыт, и вы его решили открыть сами. Тут вас и повязали менты. Так?

– Ну, почему же сразу менты? – попробовал возразить я.

– Потому что, если бы вас не повязали, ты бы не пришел домой трезвый! – пояснила жена. Логично, черт возьми!

– А если не так, то откуда же ты явился домой в таком виде? – продолжала допытываться жена.

– Из милиции, – признался я.

– Ага! Наконец-то раскололся! – торжествуя воскликнула супруга. – Тебя освободили под подписку о невыезде? Допился все-таки! Я так и знала, что Артем доведет тебя до цугундера! Теперь свои детективы на зоне писать будешь. Решил приблизиться к месту обитания своих персонажей?

Этого я уже не мог стерпеть – затронута профессиональная честь! – и решился продолжить дискуссию.

Впрочем, дальнейшее содержание нашей беседы не имеет отношения к повествованию, и потому я его опускаю.

* * *

Через пару недель меня вызвал следователь РОВД, того самого, затерянного на наших бескрайних просторах района, на территории которого располагалась злополучная дача Артема. В провинциальный городок я добирался своим ходом, на электричке.

Дорога оставила не самые приятные воспоминания. Когда я, уставший и злой, выбрался на привокзальную площадь, то местные аборигены разъяснили мне, что до здания РОВД надо добираться на автобусе, а пешком – хрен дойдешь. Торча на пронизывающем ноябрьском ветру в руинах того, что когда-то задумывалось как автобусная остановка, я мрачно размышлял об извилистых путях судьбы, непостижимым образом соединивших меня и этот проклятый городишко. Мысленно я называл его не иначе как Мухосранск. В современном русском языке это слово обозначает то же самое место, которое во времена Пушкина именовали Тьмутаракань. Даже теперь я не могу вспомнить его родное название, так что буду в дальнейшем именовать его именно Мухосранском.

Когда я уже настолько намерзся на остановке, что всерьез размышлял об уклонении от исполнения своего гражданского долга путем немедленного возвращения в Москву, нужный мне автобус все-таки соизволил подъехать. Помимо меня, в автобусе ехали двое подвыпивших парней, ссохшаяся злобная старушка и небритый кавказец, выяснявший с кем-то отношения по мобильнику на неведомом мне наречии. На мой вопрос о местонахождении РОВД водитель никак не отреагировал, видимо, полагаясь на магическое действие висевшего в салоне объявления: «Водитель справок не дает». Ссохшаяся старушка в ответ на тот же вопрос лишь злобно зыркнула в мою сторону и с ненавистью проворчала традиционное: «Понаехали тут!» Кавка-

зец недоуменно воззрился на меня и, не прерывая мобильного диалога, бросил не менее традиционное: «Прости, брат, по-русски плохо понимаю». Подвыпившие парни с неодобрением покосились на него, и один громко прокомментировал:

– Во, блин, чебурек! Как на рынке торговать и всех ментов подмазывать, так он по-русски понимает. А человеку неместному подсказать, что да как, он не хочет! Слышь, брателла, тебе куда?

При слове РОВД парни впали в задумчивость, затем одного вдруг осенило:

– Так тебе в ментовку?! Так бы и говорил! Через одну остановку выйдешь и на другую сторону перейдешь. Двухэтажное здание. Понял?

Глава 2

Следователь Зоркин оказался молодым круглолицым веселым парнем. Увидев свежий шрам на моем лбу, он ухмыльнулся:

– Что с головой? Жареный петух клюнул?

– Нет, алюминиевый, – честно признался я.

– Я так и понял, что не жареный, – ухмыльнулся следователь. – Жареный обычно в другое место клюет.

Он явно расценил мой ответ как шутку, но у меня не было никакого желания вдаваться в подробности, и я промолчал.

– Ну что же, Меча... э-э.....

– Мечислав Мстиславович, – подсказал я. Да, не каждый способен с ходу выговорить подобные имя-отчество.

Дело в том, что я происхожу из старинного польского шляхетского рода Булгариных. Правда это или нет, но так гласит наша семейная легенда, и я ее придерживаюсь – из уважения к традициям. В юности я на полную катушку эксплуатировал имя великого русского писателя Фаддея Булгарина, величая его своим прапрадедом. Это неизменно производило желаемое впечатление – особенно на девушек и их родителей. На самом деле прямых потомков Булгарина уже не осталось, но какая-то степень родства есть наверняка: род Булгариных в Польше был достаточно многочислен. Мой дед, так же как и великий Фаддей, был истинным славянофилом. И его симпатии отразились как на имени моего отца, так и на моем собственном. Согласитесь, что не очень-то легко жить в конце двадцатого века человеку по имени Мечислав Мстиславович!

В школьные годы я был любимой мишенью для шуток школьных товарищей. В зрелом возрасте я стал жертвой чиновников, генетически неспособных написать правильно мои ФИО. Советский паспорт я смог получить только с третьего раза: в первый раз мне не только безбожно исковеркали имя и отчество, но и переставили их местами, превратив меня в «Метислава Мчиславовича». Вторая попытка была более удачной: все написали правильно, только имя переиначили в «Матислав». Российские чиновники, как ни странно, оказались более внимательными, и паспорт я получил уже всего лишь со второго захода. И перепутали всего одну букву в имени: паспортистка превратила меня в «Мочислава». В то время у всех еще было свежо в памяти легендарное разъяснение нашего президента о том, где следует «мочить» террористов, и среди работников паспортного стола я получил прозвище «МОЧИИслав ВСОРТИ-РЕвич». Н-да..... Обычно я весьма скептически отношусь к различным «магическим зависимостям», но в этом случае я подозреваю некий заговор судьбы.

Следователь Зоркин уже со второй попытки успешно преодолел сложности произношения моего имени.

– Мечислав Мстиславович! Расскажите, что произошло в тот день, когда сгорела дача Артема Акчурина, – обратился ко мне Зоркин.

– Э-э..... С какого момента? – решил уточнить я.

– А с самого с начала, – благожелательно предложил следователь.

Я рассказал все, начав с того, как Артем заехал ко мне домой, и закончив нашим утренним освобождением из КПЗ. Когда я замолчал, следователь около минуты с важным видом перебирал бумаги на столе. Затем он со зловещим сожалением в голосе сообщил мне:

– Есть в вашем рассказе, дорогой Моча... э-э... Мстиславович, некоторые нестыковочки. Давайте-ка по ним пройдемся!

– Давайте, – без энтузиазма согласился я.

– Итак, вы решили попариться в баньке. А почему вдвоем? Обычно люди решают попариться минимум вчетвером, да еще девок с собой прихватывают. Нет?

И Зоркин с хитринкой подмигнул мне.

– Да мы просто решили от наших семей отдохнуть! – объяснил я.

– И когда вы до этого в последний раз таким образом отдыхали? – поинтересовался Зоркин.

Я призадумался, пытаюсь припомнить.

– Пожалуй, года два назад, – неуверенно сообщил я.

– Ага, то есть это совсем не традиционное мероприятие, – констатировал Зоркин. – Я правильно понял?

Я был вынужден согласиться. Обрадовавшись моему согласию и решив, что я готов «колоться», следователь застрочил вопросами со скоростью пулемета.

– Участок Акчурина граничит еще с тремя соседними участками. Вопрос: вы видели кого-нибудь из соседей?

– Нет.

– Вас это не удивило?

– Артем объяснил, что соседи к этому времени уже съезжают с дач.

– Уточним: обычно съезжают? То есть вы знали, что соседей нет или, по крайней мере, не должно быть?

– Ну, по-видимому, так.

– Хорошо, – удовлетворенно отметил Зоркин и тут же задал следующий вопрос: – Кто первым обнаружил пожар?

– Артем. То есть мы выскочили почти одновременно... в бочке с водой охладиться.

– Дом уже горел?

– Да! Из окон верхнего этажа шел дым, и огонь вырывался кое-где. А поджигатель как раз в этот момент кинул в окно первого этажа бутылку с горючей жидкостью.

– А откуда вы знаете, что это была бутылка с горючей жидкостью? – хитро прищурился Зоркин.

– Ну, не бутылку же с водкой он туда бросил! – ехидно заметил я. – А то, что это была бутылка, я четко видел.

– Как выглядел поджигатель?

– Роста среднего, даже ниже..., пожалуй, его рост – сантиметров сто шестьдесят – сто шестьдесят пять, – принялся вспоминать я. – Одет во все черное, куртка с капюшоном и вязаная шапка, надвинутая на лицо, с дырками для глаз.

– Что вы сделали, увидев поджигателя?

– Кинулись к нему. Артем впереди бежал. А поджигатель сразу выстрелил.

– Сколько он сделал выстрелов?

– Два.

– Вы четко слышали выстрелы?

– Нет, вообще не слышал, – признался я. – Но я видел, как возле ног Артема пуля выбила фонтанчик земли, а вторая пуля просвистела у меня над головой и сбила алюминиевого петуха.

– Убила? – спросил Зоркин.

– Кого убила? – не понял я.

– Пуля убила алюминиевого петуха? – невозмутимо уточнил Зоркин. – Или только зацепила?

– Простите, не понял, – пробормотал я, совершенно сбитый с толку.

– Нет, это я не понял! Что за чушь вы несете про подстреленного алюминиевого петуха?! – рассердился Зоркин. – Случайно не Терминатор ли в вас стрелял? Выстрелил, превратился в лужу ртути и впился в землю. Так?

– Подождите! – взмолился я. – Петух действительно алюминиевый, из алюминиевого листа был отштампован. Его над крыльцом бани укрепили для красоты. Вот пулей его и сбило, а он упал мне на голову и лоб рассек. Вот же свежий шрам! Видите?

– Ну, хорошо! Хотя с петухом разобрались, – вздохнул Зоркин. – Странно, однако, получается: в вас стреляли, а выстрелов вы не слышали. И никто, кстати, не слышал!

– Так ведь пистолет с глушителем был! – воскликнул я. – Потому и не слышно было выстрелов.

– Хорошо, предположим, что так... И что же дальше? Куда убежал поджигатель?

– Не знаю, не видел, – честно признался я. – Я залег на картофельных грядках, а когда решился голову поднять, то поджигателя уже и след простыл.

– Вы пытались потушить дом?

– Да куда там! Он уже как спичечный коробок полыхал! Артем еле сумел с веранды сумку с водкой и пивом вытащить.

– И вы сразу принялись заливать горе спиртным? – ухмыльнулся Зоркин.

– Нет, просто холодно было, и мы, исключительно для того, чтобы согреться, грамм по двести махнули, – принялся я объяснять, но Зоркин прервал меня, важно потрясая извлеченной из папки бумагой.

– Вот медицинское заключение о том, что вы находились в приличном подпитии, – торжественно сообщил Зоркин. – Учитывая, что вас не сразу повезли на освидетельствование, приняли вы в тот день на грудь изрядно! С утра небось начали?

– Нет, мы только для согрева..., – попытался я объяснить, но Зоркин уже меня не слушал.

– А хочешь, Слава, я расскажу тебе, как все было? – задумчиво поинтересовался Зоркин и, не дожидаясь моего ответа, приступил к изложению своего видения дела: – Понадобились твоему двоюродному брату деньги для бизнеса. Ну, возникли затруднения, дела плохо пошли. ... Бывает! Хорошо бы дачу продать, неплохие деньги за нее дали бы, да вот беда: ни жена, ни теща дачу ему продать не позволят. И никакими аргументами их не пробьешь. Ну, дуры бабы, что с них взять, кроме анализов?! И решил твой двоюродный брат дачу спалить и получить страховку за нее. Дождался он, когда соседи со своих дач съедут, взял тебя, как свидетеля, и осуществил свой план. На трезвяк-то страшно устраивать поджог даже своего дома: преступление, как-никак! Вот вы и приняли на грудь, для куража. А когда на шум вышел охранник особняка напротив, то вы, испугавшись, что он все видел, попытались напасть на него, вследствие чего были повреждены ворота особняка. О чем и был составлен соответствующий акт! Но это так, до кучи.... А вот уже гораздо более важная вещь: заключение пожарно-технической экспертизы.

Зоркин достал из папки очередную бумагу и важно помахал ею у меня перед носом.

– Экспертиза однозначно установила факт умышленного поджога! Причем имелось аж четыре очага возгорания: два на первом этаже и два – на втором. Использовалась смесь бензина и машинного масла. Их марки соответствуют маркам бензина и масла, обнаруженного в гараже Артема Акчурина. Вот так!

– Ерунда какая-то! – растерялся я. Да что там растерялся! Я был потрясен и раздавлен. Меня обвиняют в соучастии в поджоге! Нет, надо все-таки попытаться объяснить.

– Артем вовсе не собирался нападать на охранника, ... – сказал я.

– Ага, а стальной трубой он долбил в ворота для развлечения? – съехидничал Зоркин.

– Артем просил охранника, чтобы тот скорее вызвал пожарных и милицию, а тот его на хер послал и заперся за воротами! – воскликнул я. – Чего запирается-то?

– Я бы на его месте тоже заперся, – заметил Зоркин. – Голый пьяный мужик, с трубой наперевес..... Вашему Артему удалось произвести сильное впечатление даже на наряд милиции! А они в нашем районе всякого насмотрелись. Впрочем, это все лирика..., перейдем, Слава, к делу!

Зоркин, подавив мое вялое сопротивление, принялся излагать перспективы моего существования в ближайшем будущем, каким оно представлялось из окна его кабинета.

– Давай посмотрим, Слава, какие у тебя варианты, – задушевно предложил Зоркин и перечислил их все: – Если ты уговариваешь своего двоюродного братца забрать заявление о поджоге, то дело закрывается..., то есть все дела закрываются! А если этот тупица свое заявление не забирает, то дела идут своим чередом. И сколько же их у нас? А вот: дело по заявлению сотрудника охранного агентства «ЧОП Моп» Зверькова о покушении на его убийство – раз. Дело о причинении ущерба частной собственности, выразившееся в повреждении ворот виллы господина Мракова путем помятия их отрезком стальной трубы, – два.... И я не говорю уже про дело о нарушении общественного порядка! Ведь вас забрали пьяными и в голом виде, когда вы ломились в ворота чужого дома. Впрочем, это мелочь по сравнению со всем остальным. А самое смешное то, что по заявлению вашего двоюродного братца возбуждено дело об умышленном поджоге, по которому вас же с ним и посадят! Ведь мы передадим в суд все собранные материалы, а уж представители страховой компании найдут способ, как не платить страховку. Ну а самый простой способ не платить – объявить самого владельца поджигателем. Тем более что доказательства факта умышленного поджога в деле имеются. И объявят, и осудят, уж поверь мне!

Я вдруг понял, что если не перейду в наступление, то он меня уговорит на чистосердечное. Прямо гипноз какой-то!

– Послушайте, Зоркин! – холодно произнес я. – Ни я, ни Артем Акчурин дома не поджигали. Дом поджег неизвестный нам гражданин в маске, он же стрелял в нас из пистолета с глушителем. Вы нашли гильзы? Их должно быть не меньше двух.

Зоркин помрачнел и даже, как мне показалось, обиделся. Он молча собрал бумаги в папку и аккуратно завязал тесемки.

– Экие вы несговорчивые! – с досадой бросил он мне, поднимаясь из-за стола. – Ну, ладно! Хотите неприятностей – пожалуйста! Поехали!

– Куда поехали? – с подозрением осведомился я.

– Куда-куда?... Сам же спрашивал, – проворчал Зоркин. – Гильзы искать!

* * *

Перед зданием РОВД стоял микроавтобус, в котором, кроме водителя, сидели молодой парень с видеокамерой и... Артем! Я совсем не ожидал его увидеть и от неожиданности замер перед распахнутой дверцей.

– Залезай! Хорош салон выстужать! – проворчал парень с видеокамерой. Явно офицер милиции в штатском.

– Давай, Слава, не задерживай! – подтолкнул меня в спину Зоркин. Я покорно влез в салон, а Зоркин сел на место рядом с водителем. – Поехали! – велел он шоферу, и мы тронулись в путь.

– А где понятия? – с подозрением поинтересовался Артем.

– Будут тебе понятия, – успокоил его Зоркин. – На месте участковый найдет.

– Да кого он там найдет? – с досадой воскликнул Артем. – Все соседи свои дачи на зиму закрыли!

– Не напрягайся! – посоветовал Зоркин. – Это мое дело. А к тебе и к Славе у меня последнее предупреждение: пока не поздно, вернуться. Понятно?

– Не понятно! – с вызовом отозвался Артем.

– Для тех, кто в танке, объясняю: я еду искать ваши мифические гильзы только потому, что в соседнем районе за последнюю неделю сгорели три дома. И во всех трех случаях это

были поджоги. Поджигатель использовал бутылки с той же горючей смесью, что и при поджоге вашей дачи. Так что я еду только затем, чтобы помочь своим коллегам.

«И объединить дела, чтобы наше дело тоже сплавить соседям», – подумал я. Но благо-разумно промолчал.

– Что интересно: огнестрельное оружие он применил только в вашем случае, – продолжал объяснять Зоркин. – Для следствия стреляные гильзы, если оружие засвечено, могут оказаться зацепкой. Так что, дорогие мои, если вы рассчитываете сейчас незаметно подбросить гильзы на место преступления, то вы наживете себе такие неприятности, что нынешние дела вам покажутся дружеской шуткой. Ты, Артем, не только о страховке забудешь, но и приступишь к восстановлению своей дачи не раньше чем лет через пять. Это я тебе говорю, бизнесмен! Понял?

– Понял, понял, – проворчал Артем. – Ты мне лучше скажи, как после пожарников ты гильзы искать собираешься? Там ведь все истоптано и замусорено.

– Искать будешь ты, – невозмутимо заметил Зоркин. – Гильзы ведь тебе нужны, чтобы доказать, что это не ты поджег дом. Или нет?

– Все так, – покладисто согласился Артем. – Я просто к тому, что без миноискателя тут не обойтись.

– А синхрофазотрон тебе не нужен? – ехидно осведомился Зоркин. – Ничего, поползаешь на карачках, грабельками поработаешь...

– Да въедь же в ситуацию! – повысил голос Артем. – На фиг нам там полдня корячиться, если с техникой мы за пару часов управимся? Тут недалеко мой знакомый кладоискатель проживает, подвинутый такой, каждый отпуск клады ищет. Может, он мозгами слегка того,... но миноискатель у него есть. Подъедем, одолжим?

Зоркин раздраженно обернулся, но ничего не успел сказать: в разговор вмешался парень с видеокамерой.

– А что? Саня, он дело говорит! Охота по такой мерзкой погоде на природе до ночи торчать? Вон, снег мокрый пошел...

– Ты лучше камеру проверь, – буркнул Зоркин. – А то получится, как в прошлый раз!

– Сань, так я о камере и беспокоюсь! Стемнеет – как мы будем снимать следственные действия? У меня осветителей нет!

Последний аргумент убедил Зоркина.

– Ладно! – нехотя согласился он. – Давай, показывай, где твой кладоискатель живет. Надо будет его на досуге потрясти: вдруг он нашел что-то и утаил от государства?

* * *

Кладоискатель жил в центре Мухосранска и, на наше счастье, оказался дома. Договориться с ним насчет миноискателя оказалось делом пяти минут: за бумажку с видом Ярославля «подвинутый такой» с радостью одолжил нам свой старенький миноискатель ИМП, аж, как он выразился, «до следующего изыскательского сезона». В переводе на нормальный язык это означало – до весны. Судя по обстановке квартиры, кладоискателю катастрофически не везло: на поисках металлолома он явно заработал бы больше. Или же он очень хитро маскировался. Впрочем, данный вопрос интересовал разве только Зоркина.

Вооружившись миноискателем, мы наконец отправились к месту нашего неудачного отдыха и через полчаса уже были на месте. Возле пожарища топтался участковый: тоскливый долговязый тип с погонами старлея.

– Ну, вы, бля, едете! – проворчал он, пожимая руку Зоркину. – Я бы до райцентра пешком быстрее дошел. Тут, если по прямой.....

– Ты понятых нашел? – прервал поток его критики Зоркин.

– А что их искать? – удивился участковый. – Вон, там какой-то дачник толчется, его и возьмем.

– А второй?

– И второго сейчас найдем! – уверенно заявил участковый, оглядываясь по сторонам. И точно: на дороге показался охранник из соседнего особняка. Он шел в нашу сторону, держа в руке объемистый пластиковый пакет.

– Слышь, мужик! Давай бегом сюда! – крикнул ему участковый.

Охранник не побежал, но шаг прибавил.

– Паспорт с собой? – отрывисто спросил его Зоркин.

Охранник кивнул.

– Вы привлекаетесь в качестве понятого, – сообщил ему Зоркин.

– Я не могу, я на работе, – неуверенно сообщил охранник.

– А в магазин время нашел сгонять? – нехорошо прищурился Зоркин.

– Ты что тут? Препятствия следствию чинишь?! – вмешался участковый. – Я вот скажу хозяину твоему, что ты в рабочее время за водярой в магазин гоняешь...

– Какая водяра?! Я за колбасой и кефиром ходил! И «Дошираком»! – возмутился охранник, открывая пакет.

– Остынь, а то по-любому без работы останешься, – посоветовал ему участковый. – Как ты думаешь, кому поверят? У хозяина таких, как ты, – как грязи...

– Да ладно меня пугать! – хмуро отозвался охранник. – Что я, гражданский долг свой не исполню, что ли?

– Вот и хорошо, – удовлетворенно отозвался Зоркин и сказал участковому: – Давай сюда дачника!

– Слышь, Михалыч! К нам подойди! – крикнул участковый в сторону ближайшей дачи, и через минуту к ним подошел мужик лет пятидесяти, в засаленных джинсах и старом китайском пуховике, без сомнений, наследии времен еще президента СССР Горбачева.

– Здоров, Михалыч! – протянул ему руку Артем.

Михалыч опасливо покосился на участкового, нервно потирая ладони о выцветший деним.

– Да не бойся, я не подследственный! – приободрил его Артем.

Михалыч оторвал правую руку от джинсов и перевел взгляд на Зоркина.

– Пока еще не подследственный, – двусмысленно подтвердил Зоркин.

Михалыч, наконец, решился и пожал руку Артему.

– Так, приступаем! А то уже за полдень перевалило, – заторопился Зоркин.

Мы подошли к пожарищу. Вокруг обгорелых останков дома раскисшую после ночного дождя землю сплошь покрыли головешки и отпечатки ботинок пожарных.

– Ты миноискателем пользоваться умеешь? – обратился Зоркин к Артему и, получив утвердительный ответ, распорядился: – Давай, приступай! Коля, начинай съемку! Слава, бери лопату. Где стоял стрелявший? Здесь? Метрах в двух от бывшей стены? Так... гильзы должны были отлететь вправо, так что прочесываем полосу шириной в два метра от стены. Поехали!

Я принялся снимать лопатой верхний слой земли в тех местах, где миноискатель подавал сигнал, а Артем перебирал отброшенную землю. Миноискатель сигнализировал почти непрерывно, и дело продвигалось медленно. Михалыч принес тазик, и Артем принялся промывать землю в воде. За два часа поисков мы обнаружили целую кучу гвоздей, скоб и прочего металлическогохлама.

– Похоже, что в даче было больше железа, чем дерева, – проворчал я.

Артем раздраженно взглянул на меня, но ничего не сказал, продолжая размешивать ледяную грязную воду в тазике. Еще через час стало понятно, что дальше искать бессмысленно.

– Что и требовалось доказать! – довольно ухмыльнулся Зоркин. – Ну что? Вычеркиваем стрельбу из показаний?

Но Артем не желал так просто сдаваться.

– Может, это револьвер был! – высказал он предположение. – Тогда гильзы в нем и остались. Надо пули искать! Одна должна быть в земле, где я стоял, а вторая в баню попала и сбила петуха.

Искать сбившую петуха пулю нам пришлось бы в радиусе километра: крепившую петуха на коньке деревяшку разбило в щепы. Поэтому мы сосредоточились на поисках пули, предназначавшейся Артему.

– Если пуля дала фонтанчик, значит, срикошетировала, – убежденно высказался участковый. – А куда она улетела после рикошета? А хрен его знает... Так что это бесполезняк!

Но Зоркин промолчал, и мы продолжили поиски. На картофельных грядках миноискатель вел себя спокойно и лишь пару раз подал сигнал. В первый раз мы обнаружили старую советскую трехкопеечную монету, а вот второй сигнал оказался «в цвет»: в тазике звякнул кусочек металла, очень похожий на пулю! Артем извлек его из грязной воды с благоговением археолога, нашедшего легендарное кольцо Соломона, и протянул Зоркину. Тот достал из кармана лупу, внимательно осмотрел находку и с некоторым удивлением констатировал:

– Смотри-ка! Действительно пуля! И почти не деформированная. Вполне пригодна для баллистической экспертизы. Коля, ты снимаешь? Ближе, подойди сюда. Примерно в пятнадцати метрах от юго-западного угла сгоревшего дома обнаружена пуля, предположительно выпущенная из пистолета калибра девять миллиметров. Пуля слабо деформирована, по ее внешнему виду можно заключить, что она не от боеприпаса отечественного производства. Так, всем спасибо! Заканчиваем.

* * *

Нас с Артемом отвезли туда, откуда и привезли: к зданию Мухосранского РОВД. В Москву мы поехали на машине Артема.

– Да, если бы мы не нашли сегодня пулю, плохо бы нам пришлось, – поделился впечатлениями Артем.

– А если бы мы не заикались про стрелка, то вообще не было бы сегодняшних мучений, – огрызнулся я. Действительно, ну почему я должен так терзаться из-за страховки Артема?! Да он в своей автомастерской за год на две такие дачи зарабатывает!

– Скажи спасибо, что я про кражу не сказал! – усмехнулся Артем.

– Какую кражу? – удивился я.

– Помнишь картину, что на лестничной площадке висела? Мужик там такой, в доспехах, на переднем плане....

– Ну, помню, помню.... От Элиса она осталась, – нетерпеливо отозвался я. – И что?

– Так ее и украли, – пояснил Артем.

– Ты уверен? – с сомнением спросил я.

– Сто пудов! – уверенно отозвался Артем. – Я же не слепой! Когда я в дом вбежал, то сразу увидел пустую раму. Картина-то большая, пустая рама в глаза бросается. Да хрен с ней! Копия, грош ей цена. Небось, когда увидели, что в доме взять нечего, так и прихватили ее с досады.

Я промолчал. Но слова Артема осели в моей памяти.

Глава 3

После находки пули Артем торжествовал. Хотя, конечно, радоваться было преждевременно. Сама по себе пуля ничего не доказывала: экспертиза лишь установила, что она от пистолетного патрона типа «браунинг», 9 миллиметров. Оружие, из которого она была выпущена, в базе данных не числилось. Вот и все. Но теперь, по крайней мере, можно было считать доказанным, что поджигателя мы с Артемом не выдумали. И на том спасибо!

У Артема в связи с повышенным интересом органов к его бизнесу дела пошли не лучшим образом. Ему стало не до украденной картины, которая стоила не дороже холста и красок, истраченных на ее создание. Но пытливый ум автора детективных романов периодически возвращал меня к загадочному похищению картины, закамуфлированному поджогом. Время шло, я все реже и реже возвращался мыслями к загадочному происшествию, как вдруг дело неожиданно получило новый толчок.

* * *

Однажды утром, примерно через неделю после встречи со следователем Зоркиным, я поехал в издательство на подписание очередного договора. Должен сказать, что я испытываю органическое отвращение к рулю, поэтому передвигаюсь по Москве исключительно общественным транспортом. К сожалению, при выборе своего местоположения издательства совсем не руководствуются соображениями своей доступности для авторов. Нужно мне здание располагалось в промзоне, куда примерно раз в полчаса от ближайшей станции метро отправлялся автобус. Ездили в ту сторону не более двух автобусов. Когда один из них ломался на дороге, возникали пробки, можно было проторчать на остановке час – или бесконечность.

Выйдя из здания издательства, я немедленно попал в пелену мокрого снега. Укрывшись под крышей автобусной остановки, я обнаружил, что польза от такого укрытия равна нулю. Стен не было, и сильный ветер сводил на нет наличие крыши над головой. Но я не успел сильно замерзнуть: возле остановки притормозил «Рено Меган». Дверца распахнулась, и водитель предложил:

– Садитесь, пожалуйста! Я довезу вас до метро.

Меня не пришлось долго уговаривать – я не девушка все-таки! Я резво запрыгнул на место рядом с водителем, бормоча слова благодарности.

– Давайте я лучше вас сразу отвезу домой, – вдруг предложил водитель.

Я несколько опешил, но водитель предупредил мои дальнейшие вопросы:

– Позвольте представиться: Тавров Валерий Иванович, частный детектив. В данный момент я расследую дело, к которому вы невольно оказались причастны. Вы представляете для меня профессиональный интерес. Поэтому я и предлагаю, Мечислав Мстиславович, довезти вас до дома. Дорога займет примерно час, и за это время я надеюсь получить от вас ответы на все интересующие меня вопросы. Кстати, а у вас имеются вопросы ко мне?

Хм! Разумеется, имеются!

– Откуда вы знаете, где я живу и где я был – и есть – этим утром? – с подозрением спросил я.

– Данные о вас числятся в паспортной базе Москвы, – пояснил Тавров. – А в базе МГТС по адресу можно узнать телефон. Я позвонил к вам домой, трубку взяла ваша жена и сказала, что вы поехали в издательство.

– Моя жена понятия не имеет, в какое издательство я поехал, – веско заметил я.

– Разумеется! – согласился Тавров. – Но зато я знаю, что последнее время вы публикуетесь только в одном издательстве. Я поехал сюда в расчете перехватить вас на выходе, и мне повезло: я ждал вас всего минут пятнадцать.

Логично, черт возьми!

– Вам не откажешь в профессионализме, – решил я польстить собеседнику.

– Ремесло обязывает! – усмехнулся Тавров и спросил: – Ну, так как? Вы готовы к разговору?

Я посмотрел на мокрый снег за окном машины и без колебаний ответил:

– Готов! Поехали! Надеюсь, адрес вы запомнили точно?

– Не сомневайтесь! – усмехнулся Тавров, трогаясь с места.

Мы помчались прямо на стену мокрого снега. Оставалось только надеяться на навыки водителя. Словно уловив мои мысли, Тавров поморщился и проворчал:

– Не люблю рулить, но иногда возникают такие обстоятельства. И погодка еще, черт ее дери!

Я, наконец, вспомнил, что везут меня отнюдь не бесплатно: я должен ответить на кое-какие вопросы. Похоже на игру с питерским такси, только там задают вопросы, ответы на которые вы, предположительно, знать не должны. А в этом случае я вроде бы должен знать все ответы. . . . Впрочем, меня уже охватил азарт.

– Ну, что у вас там? Спрашивайте! – решил я взять быка за рога.

– Извольте! – откликнулся Тавров. Он проворно извлек из бардачка фотографию десять на пятнадцать и ловко бросил ее мне на колени. – Вы узнаете снимок?

Разумеется, я узнал фотографию. На снимке я был сфотографирован в обнимку с моим другом, Алексеем Карсавиным, на даче Артема. Точнее, когда еще дача Артема была дачей Карсавина. Сфотографировались мы на лестничной площадке, за нашими головами отчетливо просматривалась та самая картина, которая – по утверждению Артема – была украдена с дачи. Фотография не была оригиналом: ее отпечатали на обычной бумаге, и, судя по качеству снимка, создавалось полное впечатление, что ее пересняли на фотокамеру, а затем распечатали на принтере.

– Разумеется, узнаю! – ответил я. – Это мы с Элисом, . . . то есть с Алексеем Карсавиным, на его даче. . . , то есть на той, которая лет пять тому назад принадлежала ему, а до недавнего времени находилась в собственности моего двоюродного брата Артема Акчурина.

– А что вы можете сказать о полотне, просматривающемся за вашими спинами? – спросил Тавров.

– Ну, . . . насколько мне известно, это копия полотна неизвестного художника, причем выполненная довольно давно, – пояснил я. – В эпоху перестройки и всеобщего воровства Элис. . . , то есть Алексей Карсавин, купил ее за несколько бутылок спирта «Рояль». Помните такой?

– Не дай бог! – проворчал Тавров, покосившись на прикрепленную к приборной доске иконку Богоматери.

Согласен всецело! Я тоже не сохранил каких-либо светлых воспоминаний об этом продукте западных технологий. Если про советскую туалетную бумагу эпохи перестройки говорили, что ее делают по конверсии из танковой брони, то спирт «Рояль» точно гнали из танкового топлива.

– Вы видели обратную сторону картины? – задал следующий вопрос Тавров.

– Приходилось. . . . Как-то раз я помогал Артему делать ремонт на даче и сам лично снимал ее со стены, – припомнил я.

– Отлично! – оживился Тавров. – Не припомните ли вы. . . – это очень важно! – на обратной стороне должен был стоять инвентарный штамп краеведческого музея города Умань.

– Хм... не припомню, – честно признался я. Я действительно не помнил значения многочисленных надписей и цифр на оборотной стороне злополучного полотна и даже не мог вспомнить, где находится упомянутый им город Умань. А ведь по географии в школе у меня была твердая четверка!

– Это на Украине, – пояснил Тавров. – Или, как принято сейчас говорить на самой же Украине, – «в Украине». Кстати, вы знаете, как называлась картина, с которой написали эту копию? И кто написал оригинал?

Увы, и тут я был вынужден расписаться в полном своем неведении.

– Оригинал полотна написал известный художник Жан-Леон Жером в 1867 году, и называлось оно «Переход Ганнибала через Альпы», – просветил меня Тавров. – Неужели вы не знаете такого художника?

К моему стыду, это имя мне ничего не говорило.

– Ну как же, Мечислав Мстиславович?! – изумился Тавров. – В учебнике по истории Древнего мира даже была иллюстрация с картины Жерома «Палец вниз»: гладиатор поверг противника на арену и ждет решения императора о судьбе проигравшего. Неужели не помните?

Хороший вопрос! Я учился в десяти школах – нелегкая судьба сына военнослужащего – и не сохранил ни об одной из них более или менее светлых воспоминаний. Поэтому я отрицательно покачал головой.

– Впрочем, не важно... Надо полагать, вы не знаете и историю оригинала картины «Переход Ганнибала через Альпы»? – задал риторический вопрос Тавров. – Нет? Тогда я вам вкратце об этом поведаю. Итак, в 1867 году Жером написал картину под известным нам названием, и в том же году ее приобрел помещик Уманского уезда Черкасской губернии граф Туруков. Вплоть до 1924 года картина находилась в поместье, счастливо избежавшем обычных для Гражданской войны погрома и пожара. А в 1924 году уцелевшую от грабежей и уничтожения обстановку поместья передали в краеведческий музей города Умань. А вот дальше начинается самое интересное. Курите?

И Тавров протянул мне пачку «Парламента». Я взял сигарету, мы закурили, и Тавров, выпустив струйку дыма, продолжил:

– В 1932 году краеведческий музей ликвидировали, а все мало-мальски ценное имущество власти предписали отправить в Москву. В том числе и картину с Ганнибалом. Но перед этим случилось вот что: местный начальник районного отдела Народного комиссариата просвещения – сокращенно Наркомпроса – очень прикипел сердцем к этой картине. Надо полагать, его подкупила сугубо реалистическая манера Жерома. А самое главное: он почему-то полагал, что на картине изображен Спартак. Спартак у старых большевиков-идеалистов пользовался уважением. Поэтому, получив указание об отправке картины в Москву, начальник районного отдела Наркомпроса заказал местному живописцу точную копию картины. И вот тут уже начинается настоящая мистика. Кстати, вы верите в мистику?

– Простите? – удивленно переспросил я.

– Верите ли вы в мистику? – повторил Тавров. – В то, что артефакты с мистическими свойствами существуют в реальной жизни, а не только в воображении писателей и сценаристов?

– Вы это серьезно? – рассмеялся я, но Тавров не поддержал моего веселья, а продолжал испытующе смотреть на меня. Поэтому я оборвал смех и сухо ответил: – Нет, не верю! Я рациональный человек. Между прочим, с высшим техническим образованием.

– Полагаю, то, что я вам сейчас расскажу, немного изменит представление о том, что такое реализм, невзирая на ваше высшее техническое образование, – уверенно заявил Тавров и продолжил: – Так вот, пока художник рисовал копию, заведующий народным образованием местного масштаба познакомился с его женой. Та годилась ему в дочери, но выбор молодой

женщины можно понять: художник перебивался случайными заработками и ютился в подвале, а чиновник-орденоносец жил в большой квартире роскошного номенклатурного дома и мог обеспечить любые прихоти супруги – от обновок до поездок в санатории. Когда художник закончил копию картины Жерома, явившийся за полотном работник райнаркомпроса вручил художнику деньги и конверт. В конверте было письмо от жены, в котором она сообщала о своем решении уйти к орденоносному начальнику. Художник побледнел, улыбнулся посыльному, достал из ящика комода револьвер и выстрелил себе в голову. Говорили, что капли крови и кусочки мозга попали на картину, и лишь с большим трудом их удалось отчистить. Художника похоронили за счет Наркомпроса, оригинал картины Жерома, согласно документам, отправился в Москву, а копию вывесили в приемной начальника районного отдела Наркомпроса, сопроводив табличкой: «Вождь восставшего римского пролетариата Spartak штурмует Везувий». Не прошло и двух лет, как орденоносец после поездки в санаторий приревновал свою молодую супругу и во время бурной ссоры застрелил ее из наградного «браунинга», врученного ему лично товарищем Буденным, а затем застрелился сам. В кабинете воцарился новый начальник, но – опять-таки, странное дело! – через пару лет его осудили за растрату.

– То есть художник с того света мстил всем начальникам Уманского райотдела Наркомпроса? – недоверчиво усмехнулся я. – Какой ущерб народному образованию!

– Нет, на растратчике отстрел чиновников Наркомпроса прекратился, – без тени улыбки ответил Тавров. – Следующий начальник то ли что-то заподозрил, то ли он просто не любил живопись или конкретно стиль Жерома. В соответствии с духом времени он повесил на стену огромный портрет Сталина, а копию Жерома передал в санаторий работников Народного комиссариата тяжелой промышленности. Картину повесили в библиотеке санатория, располагавшегося в бывшей помещичьей усадьбе – по странному совпадению, некогда принадлежавшей графу Турукову, – и уже на следующий год в усадьбе случился страшный пожар: выгорело все, кроме бывшей конюшни, в которой и находилась библиотека. Были жертвы среди отдыхающих, поэтому директора и завхоза санатория осудили на приличные сроки. После этого книги из библиотеки сгоревшего санатория передали в городскую библиотеку, а копию полотна Жерома повесили в холле столовой райисполкома. Думаю, для вас теперь не будет неожиданностью узнать, что уже через полгода в столовой произошла вспышка дизентерии, жертвой которой стал даже секретарь обкома, имевший неосторожность во время приезда в Умань пообедать там. Поэтому неудивительно, что ряд работников столовой – во главе с заведующим – отправились в ГУЛАГ по стопам директора санатория Наркомтяжмаша «за вредительство и покушение на жизнь советских служащих и партийных руководителей».

– Прямо не картина, а орудие террора против представителей власти, – прокомментировал я.

– Совершенно верно, – согласился Тавров. – Дальнейшие события подтверждают такое мнение. После случая со вспышкой дизентерии столовую закрыли на ремонт, а картину перенесли в здание райисполкома и повесили на площадке парадной лестницы. Результат: в течение двух лет арестовали почти половину работников райисполкома, в том числе двух председателей. Кстати, всех арестованных по пути в ГУЛАГ или расстрельный подвал проводили мимо копии картины Жерома «Переход Ганнибала через Альпы». Вот так! Впрочем, на этом охота зловещего полотна на советских и партийных работников закончилась.

– То есть картина исчерпала свою мистическую силу? – иронически поинтересовался я.

– Я бы так не сказал, – возразил Тавров. – Просто она сосредоточилась на любых своих владельцах, даже на тех, кто просто находился поблизости. Во время войны немцы разместили в здании райисполкома городскую комендатуру, местное отделение СД и аппарат бургомистра. Здание, разумеется, усиленно охранялось, но это не спасло его новых хозяев от партизанской диверсии. Подпольщик-истопник умудрился пронести в котельную такое количество взрыв-

чатки, что дом взлетел на воздух, в буквальном смысле слова. И отгадайте, что уцелело при взрыве?

– Надо полагать, что стена с картиной? – предположил я.

– Стена не уцелела, а вот картина – да! – поправил меня Тавров. – Взрывной волной ее забросило на балкон противоположного дома. Полотно осталось неповрежденным, хотя рама и треснула. Кто-то перенес картину в подвал школы, где вначале был немецкий госпиталь, а после ухода немцев здание последовательно занимали разные советские учреждения. Так картина и пролежала в подвале до тех пор, пока здание не определили на снос. Неизвестно, каким образом она перекочевала в новенький Дом культуры завода сельхозтехники, где ее привели в порядок, сделали новую раму и украсили ею библиотеку. Вскоре Украина провозгласила независимость, завод прекратил работу, его буквально растащили по частям. Директора и главного бухгалтера бывшего завода застрелили в одном из городских ресторанов – видимо, некие неустановленные лица, недовольные результатом приватизации. А копию Жерома какой-то отчаявшийся завхоз стащил из родного учреждения в качестве компенсации за невыплаченное ему своевременно жалованье. У завхоза картину приобрел Алексей Карсавин, и она осела на его даче.

– Чтобы погибнуть в огне, – попытожил я.

– Уверены? – покосился на меня Тавров. – А вот ваш двоюродный брат другого мнения. Вот как? Он и об этом знает?

– Вас нанял Артем? – в лоб спросил я.

– Я не имею права разглашать имя клиента, – уклонился от ответа Тавров. – Скажу лишь, что я вполне согласен с мнением вашего двоюродного брата.

– Вы ему так безоговорочно доверяете? – насмешливо осведомился я. – Ну да, зловещее полотно в огне не горит и в воде не тонет, неся смерть и неприятности своим владельцам!

– Помимо убежденности в мистической сущности полотна, я еще безоговорочно доверяю и своим глазам, – невозмутимо отозвался Тавров. – Я своими глазами видел раму от картины, из которой вырезали полотно.

* * *

Заявление Таврова явилось для меня полной неожиданностью: на мгновение я даже утратил дар речи. Тавров воспользовался моим временным замешательством и так же невозмутимо спросил:

– Кстати, вы искали гильзы от пистолета, из которого в вас стрелял поджигатель? Если искали, то бьюсь об заклад, что вы их не нашли!

– У вас свой человек в милиции? – вместо ответа поинтересовался я. Осведомленность Таврова просто поражала.

– Нет, все гораздо проще, – улыбнулся Тавров. – Дело в том, что утром, после пожара на даче Акчурина, меня нанял клиент для расследования дела с картиной. Ближе к вечеру я решил съездить на место происшествия и осмотреться. Я приехал, когда уже смеркалось. Бегло осмотрев пожарище, я обратил внимание на торчавший из-под лежавшего на боку холодильника обугленный угол картинной рамы. Мне удалось отбросить холодильник в сторону, и я убедился, что не зря напрягался: в обгоревшей раме полотно... отсутствовало! Оно не выгорело полностью: холст ровно по контуру вырезали острым ножом из рамы, и обгоревшие остатки холста, оставшиеся на раме, убедительно свидетельствовали о том, что кража картины действительно имела место. Рама была довольно большая: примерно метр девяносто на метр двадцать, что точно соответствует размеру полотна Жерома «Переход Ганнибала через Альпы». Насколько я знаю, остальные картины из дома Акчурина имели гораздо меньшие размеры. Не так ли?

Я подтвердил этот факт и спросил:

– А почему вы не передали раму в милицию? Ведь это действительно доказательство кражи!

– Так получилось. Дело в том, что я держал эту раму в руках всего пару минут, – с досадой признался Тавров. – Когда я уже готовился оттащить ее к машине, внезапно рядом с участком остановился автомобиль «Лада Классика». Я поспешил укрыться в густых кустах, и не зря: вышедший из машины человек направился напрямик к пожарищу. В руках он держал миноискатель – по-моему, фирмы «Майнлаб», – я такой однажды на выставке видел.

Услышав о миноискателе, я аж подпрыгнул на сиденье. Теперь понятно, куда делись стреляные гильзы! Тавров подтвердил мои подозрения: незнакомец тщательно прочесал миноискателем пространство между домом и дорогой.

– Это понятно! – воскликнул я с нетерпением. – Но что же случилось с рамой?

Оказалось, что незнакомец перед уходом вдруг заметил лежавшую на земле раму и прихватил ее с собой: благо на крыше «Лады» был багажник, и раму было легко перевезти куда-то.

Тавров описал незнакомца: рост ниже среднего, довольно субтильное телосложение. Очень похож на того типа, стрелявшего в нас с Артемом!

– Я вот только понять не могу: зачем понадобилось похищать копию картины Жерома? – поделился я с Тавровым. – Давайте отбросим мистику и обратимся к простой житейской логике. Предположим, что похитителю наплевать на мистические легенды, связанные с копией Жерома. В таком случае, в похищении копии известного полотна нет никакого смысла. Разве не так?

– Логика имеется, если предположить, что из Умани в Москву в 1932 году отправили копию картины Жерома под видом оригинала! – ответил Тавров.

* * *

Я был настолько ошеломлен этим смелым предположением, что пару минут осмысливал его.

– Да, но... картину затребовали в Москву, чтобы затем продать ее на Запад, следовательно, ее должны были осмотреть эксперты. Они бы обнаружили подделку, – возразил я. – Очень сомнительно, чтобы копия ушла на Запад!

– Согласен, ваши возражения весомы, – кивнул Тавров. – Но представим, что в общем потоке ценностей подделка все-таки ушла за границу и осела в коллекции западного собирателя. Тот вполне искренне мог считать ее подлинником. Например, в 1911 году из Лувра похитили картину да Винчи «Джоконда». Через два года ее нашли, но за это время один аферист умудрился продать коллекционерам аж пять копий полотна, выдав их за подлинник! Так что прецеденты есть. Кроме того, имеется еще один факт. Он заставляет моего клиента всерьез допустить, что на даче Акчурина действительно было подлинное полотно Жерома.

– Какой же факт вы имеете в виду? – спросил я.

– Дело в том, что совсем недавно полотно Жерома «Переход Ганнибала через Альпы» собирались продать и его даже внесли в каталог одного из престижных аукционов, – сообщил Тавров. – А затем вдруг, без объяснения причин, полотно сняли с продажи. Напрашивается предположение: аукционные эксперты установили, что это подделка. Поэтому ее и сняли с продажи.

– Да,... убедительно, – согласился я. – Но ведь все это недоказуемо, это всего лишь ваши предположения.

– Вот поэтому я и просил вас вспомнить: не стоял ли на обороте холста инвентарный штамп краеведческого музея города Умани? – пояснил Тавров. – Если стоял, значит, это под-

линник: ведь копию впервые поставили на инвентарный учет только в районном отделе Наркомпроса. Жаль, что вам так и не удалось вспомнить!

– Жаль, что вам не удалось уберечь раму, – посетовал, в свою очередь, я. – Тогда анализ остатков холста дал бы однозначный ответ. Кстати, как вы думаете: картина еще в стране или ее уже вывезли за рубеж?

– Все зависит от того, с какой целью похищали полотно, – ответил Тавров. – Если моя гипотеза верна, то похищали оригинал по заказу коллекционера, вдруг обнаружившего, что он владеет копией. Понятно, что он готов пойти на солидные издержки, лишь бы сохранить лицо. В любом случае, если похищение организовали под конкретный заказ, то полотно уже вывезли из России. Первое, что в таких случаях продумывают, – транспортировку. Хотя нам неизвестны мотивы похитителей, так что вряд ли мы можем уверенно предвидеть судьбу картины.

– Пожалуй, вы правы, – согласился я. – Еще я хотел бы узнать: чего именно хотел от вас клиент, поручивший вам уточнить детали похищения? Я понимаю, что имя клиента вы не разгласите, но.....

– Как раз об этом я могу вам сказать, – отозвался Тавров. – Клиент хочет знать: кто именно организовал похищение картины и с какой целью?

* * *

Тавров довез меня до самого дома. На прощание он оставил мне свою визитку, на случай, если вдруг я что-либо вспомню или у меня появится новая информация.

Должен признаться, что все это меня серьезно заинтересовало. До сих пор, используя воображение, я сочинял детективные романы, и вдруг сам волею судьбы оказался замешан в загадочном деле. Похитили копию известного полотна, да еще попытались прикрыть кражу поджогом. Очевидно, кто-то очень не хотел, чтобы стал известен сам факт воровства, иначе зачем было поджигать дом, где находилась картина? Рама не сгорела дотла лишь по чистой случайности, иначе все и осталось бы заурядным поджогом.

В мистическую легенду я так и не поверил, но было очевидно, что с копией Жерома связаны, несомненно, очень странные события. Я не простил бы себе, не начав самостоятельное расследование! Но каков должен быть мой первый шаг?

Если Тавров прав и картину похищали под заказ, то ее, несомненно, вывезли за границу. А если заказчик отказался от своих планов? Ведь бывает и такое. Тогда похитители захотят избавиться от картины. Если жадность одолеет их рассудительность – а воры весьма жадные люди, хотя и скрывают это, – то они попытаются продать полотно за любые деньги. Через кого это можно сделать? Если бы речь шла о похищенной из Эрмитажа или Третьяковки картине известного мастера, то продать ее можно было бы только какому-нибудь матерому барыге. А в данном случае проще всего реализовать ее через антикваров. Полотно не имеет откровенно криминальной истории, и риска практически никакого. Другой вопрос: кто польстится на копию? Но и за копию можно получить хоть какие-то деньги.

И тут я вспомнил о своем давнем знакомом, владельце художественного салона, в котором наряду с антиквариатом и подлинными раритетами продавались для невзыскательной публики и дешевые ремесленные поделки.

Я порылся в куче визиток и вскоре нашел кусочек картона с виньеткой. Изящной вязью золотилась надпись: «Оленецкий Вадим Эдуардович, художественный салон и антиквариат». Почти как у Маяковского: «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

Кстати, о Нетто: был и другой Нетто – замечательный советский футболист Игорь Нетто, кумир спартаковских болельщиков. Интересно, о нем кто-нибудь еще помнит?

Глава 4

Не откладывая дело в долгий ящик, я созвонился с Оленецким и договорился о встрече. Бизнесмен от искусства припомнил меня и даже выразил некоторую заинтересованность моим звонком. На самом деле он хотел получить «на халяву» авторский экземпляр моего последнего романа, с автографом. Сам он явно книжек не читал, но собирался угодить супруге, почитательнице моего таланта.

Господи, благослови читающих женщин!

* * *

На следующее утро я вошел в дверь художественного салона Оленецкого. Помимо действительно старинных вещей и картин, в салоне имелась и утеха для любителей ширпотреба: отдел, торговавший разным псевдохудожественным китчем и даже настенными календарями. Чистое искусство теперь найдешь разве что в Третьяковке!

Оленецкий радушно принял меня, угостил неплохим кофе с коньяком «Хеннесси ВС». Поставил мой очередной покетбук с автографом на полку, и я приступил к делу. Вкратце пересказал ему историю с поджогом дома Артема и поделился своими соображениями:

– Вроде бы кража копии полотна известного мастера лишена смысла: одна рама стоила дороже, чем холст. Тем не менее раму бросили. Поэтому возникло подозрение: а не был ли это на самом деле подлинник, долгое время выдававшийся за копию? Как вы полагаете, Виктор Эдуардович?

– У хозяина дома или предыдущего владельца этой, с позволения сказать, «коллекции» прежде возникало какое-либо подозрение на этот счет? – спросил Оленецкий.

– Насколько я знаю, у него и мысли подобной не было, – убежденно заявил я.

– В таком случае не имело никакого смысла идти на поджог, – веско заметил Оленецкий. – Ценным полотном может заинтересоваться только солидный человек, а не какой-нибудь барыга, скупающий краденые «брюлики и ржавье». Ценное полотно – это прежде всего капиталовложение для легально нажитых денег, к тому же все известные коллекционеры стремятся блюсти свою репутацию – для них она дороже денег. Ну, представьте себе ситуацию: я узнал, что на даче у какого-то лоха висит ценное произведение искусства. Неужели я устрою поджог и похищение?! Сам я на кражу не пойду, придется нанимать людей, причем не случайных проходимцев, а профессионалов. А общие дела с уголовниками всегда боком выходят! Тем более что им все равно придется платить – а ведь уголовники по ходу дела вполне могут поднять цену за свои услуги. Так не проще ли сразу заплатить самому владельцу?

– Да, но владелец может задуматься: с чего это вдруг такой интерес к дешевеньким ремесленным поделкам? – возразил я.

– Уверяю вас: всегда можно найти способ, чтобы усыпить любые подозрения, – с улыбкой превосходства заявил Оленецкий. – Скажем, отпечатать рекламные листки, в которых некая частная киностудия сообщает о том, что якобы срочно нужен реквизит для съемок художественного фильма. А в перечне реквизита указано: «старые копии картин известных мастеров». И бросают эти листки в почтовые ящики дома, где живет владелец интересующего нас полотна. Если вдруг не сработает этот вариант, то можно действовать в том же ключе по другим каналам. В конце концов «объект» неизбежно клюнет на очередную приманку, а дальше – дело техники! Но устраивать поджог, по одному факту которого возбудят уголовное дело, – нет, это уж какой-то совсем экстремальный случай!

– Спасибо за консультацию, Вадим Эдуардович, – поблагодарил я, поднимаясь с кресла. – Отдельное спасибо за кофе и коньяк.

– Ну что вы, Мечислав Мстиславович! – радушно улыбнулся Оленецкий. – Всегда рад вас видеть, весьма признателен за книгу с вашим автографом. Творческих успехов вам! Кстати: копию какого полотна, как вы считаете, украли?

– Я даже и не знаю! – притворился я. – Просто подумалось: раз украли, значит, ценное.

Почему я не сказал Оленецкому о Жероме? Не знаю. Но уже через пять минут я обрадовался, что не сообщил ему, о каком именно полотне идет речь.

* * *

На выходе я ошибся дверью и вместо того, чтобы вернуться в торговый зал, вдруг попал в складское помещение. Там, в полутемном зале без окон, слабо освещенном парой неоновых плафонов, рабочие обтягивали бумагой картину в раме.

– Извините, а как на улицу попасть? – спросил я у рабочих.

– Да здесь и выйди, через дверь, – бросил мне один из рабочих, даже не глядя в мою сторону. Толстая бумага топорщилась, и рабочие пытались прихватить ее скотчем. Я заметил полуоткрытую дверь в торце зала, через которую задувал холодный ветерок с улицы, и хотел поблагодарить рабочего за подсказку. Но слова благодарности застряли у меня в горле: до меня вдруг дошло, что изображено на картине, которую они упаковывали. И почему я понял это, только когда полотно уже скрылось под бумагой?

Они заворачивали картину Жерома «Переход Ганнибала через Альпы»!

* * *

Рабочие, не обращая на меня внимания, понесли картину к выходу. Когда они скрылись за дверью, я наконец-то вышел из ступора и бросился за ними. Во дворе рабочие погрузили картину в фургончик «Газель» и залезли в кузов. «Газель» неторопливо тронулась в сторону арки.

За моей спиной хлопнула дверь склада, щелкнул засов, запиравший ее изнутри. Путь обратно был отрезан. Я воспринял это как сигнал к действию. Я стремительно метнулся к арке и выскочил на улицу, опередив «Газель». Пока фургончик неторопливо выбирался на улицу, дожидаясь возможности встроиться в плотный поток машин, я успел поймать древнюю «шестерку» с водителем типично кавказской внешности.

– Давай за этой «Газелью»! – выпалил я, указывая на фургон.

– Вай! – испугался кавказец. – Ты милиция, что ли?!

– Не бойся, заплачу! – успокоил я его. – Главное, «Газель» не потеряй. Вдвое плачу!

Я достал из кармана магическую бумажку с видом Ярославля и потряс ею перед носом у водителя. Тот сразу успокоился и заулыбался.

– Не беспокойся, дорогой! От меня никто не уйдет! – заверил он, пристраиваясь за «Газелью».

* * *

«Газель» остановилась в одном из переулков недалеко от Тверской, возле подъезда дома в стиле модерн начала XX века. Рабочие принялись выгружать большую, завернутую в бумагу картину: похоже, ту самую! Я расплатился с водителем-бомбилкой и направился к подъезду. Я видел, что в фургоне остались еще какие-то предметы, поэтому забеспокоился: а если это не

та картина? Но волновался я недолго: выгружая обтянутый бумагой прямоугольник, рабочие неловко задели кромку дверцы, бумага на углу порвалась, и я увидел фрагмент полотна, сантиметров тридцать на сорок. Этого хватило, чтобы убедиться: выгружают ту самую картину.

– Твою мать!.. – выругался один из рабочих и прикрикнул на напарника: – Осторожнее, Серега! Картину повредим – из зарплаты вычтут!

Его замечание меня позабавило: ага, да вам обоим лет сто придется расплачиваться!

Серега что-то проворчал в ответ и нажал кнопку домофона. В ответ на вопрос, донесшийся из динамика, он буркнул:

– Картину привезли, открывай!

Запищал зуммер, Серега открыл дверь, и они с напарником принялись затаскивать картину в подъезд. «Доводчик» пытался закрыть дверь, и я ее придержал.

– Давайте, ребята, я держу! – сказал я рабочим. И так, в подъезд я успешно проник, но тут же обнаружил, что в подъезде за стеклянной перегородкой сидит охранник. Как же мне пройти мимо него?

Весьма своевременно я заметил, что рабочие рискуют задеть углом картины за стену, и придержал верхний край рамы. Решение пришло само собой: мы так и миновали будку с охранником, втроем держась за одну картину. Дойдя до лифта, я спросил, изображая озабоченность:

– А в лифт эта штука, пожалуй, не войдет. Как дальше понесете?

– Да ничего, нам на второй этаж, – сказал Серега и поблагодарил меня за помощь.

– Не за что, – улыбнулся я, входя в лифт и нажимая на кнопку третьего этажа. Выйдя из кабины, я подошел к перилам и, стараясь остаться незамеченным, посмотрел на площадку второго этажа. При царь-батюшке застройщики на парадных лестницах не экономили, поэтому рабочие донесли картину до нужной им двери без приключений. В дверях их уже нетерпеливо ожидал мужчина в кашемировом пальто: он явно собирался уходить и торопился, недовольно подгоняя рабочих:

– Что вы так долго? Я опаздываю!

– Так это, ... пробки кругом! – огрызнулся Серега. Мужчина в кашемировом пальто посторонился, и рабочие занесли картину в квартиру.

– Так, погодите! Сейчас покажу, куда ставить! – крикнул им мужчина вдогонку и тоже скрылся в квартире. Дверь осталась приоткрытой. Я осторожно спустился и прислушался к доносившимся из квартиры голосам.

– А раму все-таки ободрали! – с досадой восклицал обладатель кашемирового пальто. – Неужели нельзя аккуратнее?!

Серега вступил было с ним в дискуссию, но кашемировый его перебил:

– Сейчас посмотрю, не повредили ли вы полотно. Если повредили – пипец вам обоим, понятно?

Серега опять что-то забубнил. Я смотрел в открытую дверь и думал: пока они там разбираются, вполне можно зайти и спрятаться за дверью, ведущей в чулан. Пуаро или Холмс наверняка так и поступили бы. А вот я не решился. Я спустился по лестнице, вышел на улицу, закурил и стал ждать. Минут через пять из подъезда вышли рабочие и обладатель кашемирового пальто. Он уселся в «Ауди», рабочие забрались в «Газель», и все уехали.

Похоже, что квартира пуста. Эх, надо было мне затаиться в чулане! А если бы меня обнаружили? Пуаро с Холмсом как-нибудь выкрутились бы, а уж мне точно, как сказал кашемировый мужик, в таком случае был бы «пипец». И что же делать? Пожалуй, в любом случае надо проинформировать Таврова. Я достал мобильник и сообщил частному детективу о чудесной находке картины.

– Вы уверены, что это то самое полотно? – недоверчиво осведомился Тавров.

– Возможно, у меня и не очень хорошее зрение, но не настолько же! – обиделся я.

– Хорошо, я вам верю! И что вы собираетесь делать дальше?

– Вообще-то это я хотел спросить об этом у вас.

– Вот как? И что же вы ожидали услышать? – насмешливо поинтересовался Тавров.

– Ну, ... – растерялся я. – Надо бы проникнуть в квартиру и убедиться, что это та самая картина.

– А вы знаете, что незаконное проникновение в чье-либо жилище – это преступление? Если вас поймают, это обойдется лично вам в сорок тысяч рублей. А то и могут отправить вас на исправительные работы сроком до года или подвергнуть аресту, это до трех месяцев, – проинформировал меня Тавров. – Вы к этому готовы?

Я к этому готов не был.

– Я не имею... э-э... должных навыков, чтобы проникнуть, ... так сказать, – промямлил я, неприятно пораженный обрисованными Тавровым перспективами. – Но, возможно, у вас есть знакомые, которые за вознаграждение могли бы...

– Послушайте, вы уже несете чушь! – раздраженно прервал меня Тавров. – Хотя в то же время вы меня заинтриговали. Кто знает: вдруг в этой квартире действительно находится похищенное полотно? Продиктуйте адрес, я подумаю, что можно предпринять, и перезвоню вам.

Я продиктовал адрес. Тавров некоторое время молчал: видимо, записывал. Затем он спросил:

– Адрес точный?

– Точнее не бывает! – заверил я. – Я вижу табличку с названием переулка и номером дома. И номер квартиры я твердо запомнил.

– Хорошо, я вам перезвоню минут через двадцать. Только не топчитесь возле дома, лучше зайдите в ближайшее кафе, – распорядился Тавров.

Я последовал его совету и зашел в ближайшую кафешку. Минут через пятнадцать Тавров перезвонил и сказал:

– Я подъеду примерно через час. Вы дождетесь меня или у вас другие планы?

– Я могу подождать, – ответил я. – Но вначале хотел бы узнать, каков ваш план.

– Он очень простой, – ответил Тавров. – Проникнем в квартиру и убедимся, что это именно та картина. Со мной будет один человек, он откроет нам дверь.

Вот это да!

– Там еще охранник в подъезде, – напомнил я.

– Это не охранник, а консьерж. Не беспокойтесь, он не станет для нас препятствием! – уверенно заявил Тавров.

* * *

Похоже, что Тавров всерьез воспринял мою информацию и все-таки решился на противозаконное проникновение в чужое жилище! Ну и ладно: доходы у него явно побольше моих, так что сорок тысяч он заплатит легко! Или даже восемьдесят – за двоих.

* * *

Тавров подъехал минут через сорок. Он остановил машину в соседнем переулке и вошел в кафе в сопровождении высокого мужчины в кожаном пальто: видимо, это и был специалист по незаконным проникновениям. Увидев меня, Тавров кивнул, и они тут же вышли на улицу. Я торопливо последовал за ними.

Мы подошли к подъездной двери. Я не видел, что за штуку тип в кожаном пальто приложил к магниту домофона, но зуммер немедленно запищал. Специалист в кожаном пальто

уверенно распахнул дверь и вошел в подъезд, следом – мы с Тавровым. Оставалось миновать охранника, но это произошло до обидного просто: специалист, мельком глянув в его сторону, небрежно кивнул ему, а тот, скользнув по нам равнодушным взглядом, снова уткнулся в журнал.

Как просто! Хотя если поразмыслить, то все совершенно логично: если человек сам открыл дверь, значит, у него есть электронный ключ и, следовательно, он живет в этом подъезде.

Мы поднялись на второй этаж и остановились перед заветной дверью. Специалист достал из кармана связку ключей, выбрал один и попытался открыть дверь. Ключ не подошел, специалист чертыхнулся, погромел связкой и вставил в замочную скважину другой ключ. На этот раз дверь открылась.

– Прошу! – пригласил он нас войти.

Проходя мимо него, я одобрительно сказал:

– Высший класс!

– Нравится? – самодовольно усмехнулся мастер своего дела. – Это все стоит денег!

– Насчет денег – это не ко мне, а к господину Таврову, – ответил я.

– Не понял! – специалист удивленно поднял брови и посмотрел на Таврова.

– Потом, потом... Идемте, посмотрим! – поторопил Тавров. Мы прошли в большую комнату. Там, над мраморным камином, висела та самая картина. В сияющем шлеме и развевающимся плаще с пурпурной каймой Ганнибал вел свои войска к блестящим победам и к поражению в самом конце... Я испытал восхитительный прилив эйфории.

Нашел! Все-таки нашел!

* * *

– Ну, что я говорил? – торжествующе воскликнул я, обращаясь к Таврову.

Тот подошел к камину, некоторое время изучал полотно, затем повернулся ко мне:

– Мечислав Мстиславович, я думаю, что вам следует посмотреть на него поближе. Прошу вас!

Я подошел поближе и пристально взгляделся в полотно. Похоже, что-то не то!

– Проведите рукой по поверхности полотна! – предложил Тавров.

Я сделал, как он сказал. Пальцы мои ощутили гладкую поверхность.

– Вы чувствуете? – спросил Тавров. – Нет рельефа. Это не работа маслом. Это печать краской на ткани! Полагаю, обратную сторону смотреть нет нужды?

– Но зачем?! – недоуменно воскликнул я.

– Что значит «зачем»? – удивился специалист в кожаном пальто и недоуменно взглянул на Таврова.

– Минутку! – поднял руку Тавров. – Сейчас я все объясню. Мечислав Мстиславович, позвольте вам представить владельца этой квартиры, известного продюсера Воынцева Сергея Петровича. Для съемок нового исторического сериала не успели подготовить декорации, и он решил оборудовать под съемочную площадку свою собственную квартиру, где только что сделали ремонт со стилизацией под интерьер XIX века. А картину Жерома просто выбрали по каталогу одной из фирм, изготавливающей копии картин известных мастеров на ткани. Теперь вам все понятно?

– То есть он открыл дверь в подъезд и дверь в квартиру своими ключами?! – дошло до меня.

– Разумеется! – улыбнулся Тавров. – Неужели вы всерьез думали, что я рискнул бы своей репутацией, незаконно проникнув в чужое жилище? Когда вы продиктовали адрес, я тут же по базе данных выяснил, что квартира принадлежит моему хорошему знакомому Сергею Воын-

цеву. Дабы рассеять ваши сомнения, я позвонил Сергею и попросил его подъехать сюда, чтобы показать квартиру и ее обстановку одному знакомому писателю. Вот и все!

– Да это все понятно... Но почему Жером? И конкретно – «Переход Ганнибала»? – спросил я. – Кто выбрал именно эту картину?

– Я сам и выбрал, – ответил Волынцев. – По каталогу фирмы. А эта картина, по моему мнению, весьма подходила к стилю ампира, в котором оформлена гостиная. У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

Я уже отошел от легкого шока. Магическое слово «продюсер» вернуло меня к реальности.

– Да, есть! Всего лишь один вопрос. Сценарий исторического детектива вас интересует? У меня есть один, он уже практически дописан. Если не возражаете, я вкратце изложу вам сюжет!

* * *

После нелепого происшествия на квартире продюсера Волынцева я решил, что тайна исчезновения копии – и копии ли? – картины Жерома «Переход Ганнибала через Альпы» так и останется нераскрытой. Меня сжигало страстное желание разгадать эту тайну, но я не знал, как это сделать. Мое расследование зашло в тупик, и утешало лишь то, что даже мастер частного сыска Тавров продвинулся не дальше меня. Тогда я даже не догадывался, что не пройдет и трех месяцев, как мое желание исполнится: я проникну в тайну злосчастного полотна и окончательно уверю в его зловещую магию.

Знай я тогда, какие ужасные события приведут к раскрытию этой тайны, я был бы осторожнее в своих желаниях!

Глава 5

Спустя несколько недель после неудачи на квартире Волынцева я уже почти не вспоминал о загадочном артефакте. Хотя мистическая история картины просто просилась в роман, я не видел ни дальнейшего развития сюжета, ни развязки. А главное: я все-таки надеялся, что картина еще где-то всплывет.

Однажды вечером я просматривал новости в Интернете и случайно наткнулся на сообщение «ленты. ру»:

«Найдена исчезнувшая вчера бронированная машина, перевозившая ценный груз в спецхранилище одного из московских банков. В машине обнаружен труп одного из охранников, убитого выстрелом в голову. Другой охранник и водитель исчезли. Их поиски пока не дали результата. Владелец пропавшего из машины груза, генеральный директор и совладелец крупной строительной компании «Мелиса» Алексей Карсавин, отказался как-то прокомментировать происшествие. Ведущие расследование правоохранительные органы также отказались что-либо сообщить. Однако, по данным из конфиденциальных источников, броневик перевозил из только что построенного офиса компании «Мелиса» в спецхранилище банка недавно приобретенное для украшения холла офиса полотно художника Жерома «Переход Ганнибала через Альпы». По оценке экспертов, стоимость картины составляет не менее двух миллионов долларов. По неофициальной информации, пока не подтвержденной руководством компании «Мелиса», Алексей Карсавин подал в отставку с поста генерального директора».

Вот это да! Не веря своим глазам, я еще раз перечитал сообщение. Значит, разбогатевший Элис теперь решил приобрести подлинник Жерома? Неужели картину действительно похитили?

На правах старого друга я решил немедленно высказать Элису свои сожаления. Я схватился за телефон и набрал его мобильный номер.

– Привет, Слава! – раздался в трубке голос Элиса.

– Привет, Элис! – поздоровался я. – Прочитал тут про ограбление броневика с картиной и решил выразить тебе свое соболезнование.

– Слава! – недовольно оборвал меня Элис. – Извини, но я не хочу это обсуждать. Пойми меня правильно: тут такая карусель закружилась, что каждое случайно оброненное слово может иметь далеко идущие последствия. Понял?

– Да, разумеется! – ответил я в замешательстве. – Извини, я не вовремя, наверное....

– Да нет, я всегда рад тебя слышать и видеть! – заверил меня Элис. – Кстати, мы давно не виделись! Приезжай к нам на Рождество, хорошо? Вот и Ирка ко мне присоединяется, привет тебе передает.

– Спасибо! Обязательно постараюсь, – ответил я. – А кто еще будет?

– Да все свои! – отозвался Элис. – Кстати, приедет один человек, с которым тебе будет небезынтересно побеседовать. Во-первых, он поклонник твоего творчества, а во-вторых, он может оказать тебе содействие по ряду различных вещей. Приезжай, перетрешь с ним темы. Уверяю, ты не прогадаешь! Человек он богатый, да еще и без двух минут депутат Государственной думы. Усек?

– Усек! – подтвердил я.

– Тогда ближе к сроку созвонимся и договоримся о деталях. Так что ничего на Рождество не планирую. Давай, друг, до встречи!

Я положил трубку и задумался. Богатый дяденька, без двух минут депутат, оказавшийся моим поклонником, очень меня заинтересовал. А больше всего мне хотелось обсудить с Элисом события, связанные с картиной и ее копией. Но Элис явно не хотел касаться этой темы

по телефону. Хорошо: теперь появилась возможность обсудить с ним это с глазу на глаз – возможно, в этом случае он будет гораздо откровеннее.

* * *

Близились Рождество. Элис подтвердил свое приглашение и пообещал прислать за мной машину с шофером к ближайшей станции метро. В назначенное время я уже мерз на улице.

Мороз и солнце, день чудесный!

Бр-р! Так мог сказать только профессиональный бездельник, который никогда в жизни не ждал в такой «чудесный день» автобуса, минут сорок, а затем не обливался потом в метро, трясясь в набитом вагоне те же сорок минут до станции назначения. А потом еще бегом до дома – вспотевший, да по морозцу! И дома тебя встретит не верный слуга со стаканом водки, соленым огурцом и горячим расстегаем, а усталая супруга недовольным возгласом: «Хлеба купил? Как – не говорила?! А сам догадаться не мог?! Давай быстро в «Пятерочку», а то уже половина десятого!»

День чудесный, мля.... Ха! Зарвавшийся крепостник! Конечно, ему ведь сани с медвежьей шубой прямо к дверям подавали. Уж он-то не ждал саней в такой «чудесный день» целый час! А если кучер задерживался минут на пять, так ему сразу в морду! И правильно!

И куда только провалился Аркадий на своей проклятой «семерке»?!

Я достал сотовый, но пальцы на морозе уже не гнулись, а на старенькой 190-й «Мотороле» попасть пальцем на нужную клавишу и в нормальных условиях затруднительно. Блин, давно пора сменить эту трубу на что-нибудь попроще! И руки совсем замерзли, надо согреться.

Пришлось забежать в ближайший магазинчик. Скользнув взглядом по разноцветным рядам бутылок, я вдруг подумал, что неплохо бы для профилактики простудных заболеваний..... Да и голову что-то ломить стало к вечеру – давление, надо полагать.

В крохотном магазинчике на фоне тесно уставленных бутылками полок скучала молодая симпатичная продавщица. Я поискал взглядом коньяки и на самой верхней полке обнаружил искомое: солидные пузатые бутылки от «Греит Арарат» до «Хеннесси ВС». Но мне требовалась маленькая плоская отечественная носогрейка. Продавщица мило улыбнулась и спросила:

– Что вы желаете?

– Коньяка, плоскую, – попросил я.

Через минуту я стал счастливым обладателем бутылочки «Московского». Я вышел на улицу, завернул за магазинчик и воровато оглянулся – нет ли рядом милиционеров?

Блюстителей порядка в зоне видимости не наблюдалось, и я с наслаждением глотнул каплю горячительного. Вернулся в магазин, купил сникерс и съел половинку. Достал сотовый и набрал номер Аркадия. Ноль эмоций! Зачем человеку мобильник, если он его с собой не носит?!

Я вновь вышел на улицу. День заканчивался. Солнце тонуло в разлитой по горизонту красной дымке. Сгустившиеся морозные сумерки прорезали яркие пятна фонарей и витрин. Машины Аркадия не было видно. Да что за ерунда, в самом деле?!

– Слава! – раздался вдруг голос за спиной.

Я обернулся. Точно: Аркадий, шофер Карсавиных.

– Ну ты, блин, встал! Я же тебя на той стороне жду! – начал задвигать мне претензии Аркадий. – Мне было сказано: ждать, где автобус останавливается, так я там и жду.

– Здесь, между прочим, тоже автобус останавливается, – с сарказмом возразил я. – Когда он из вашего поселка идет в Москву, то останавливается именно здесь!

Аркадий растерянно почесал затылок:

– Да не, ну это полный бред! Откуда автобус в поселок едет, там я и должен был ждать!

– Ирка мне сказала четко: «Аркаша будет ждать на конечной остановке поселкового автобуса». Конечная, извините, – это конец маршрута.

– Да ну вас на хер! – махнул рукой Аркадий. – У каждого логика своя. Пошли быстрее на ту сторону. Ехать пора, а то уж стемнело.

Наконец-то я оказался в теплом салоне! Аркадий тронул машину, выбираясь со стоянки, и сказал, завершая тему:

– Ты бы хоть позвонил мне на мобилу. Хозяйка ведь тебе и номер мой дала!

– А я звонил, но никто не отвечал, – сообщил я уже вполне мирным тоном.

– Да быть того не может! – воскликнул Аркадий и потряс мобильником. – Вот он, всегда со мной!

– На, позвони! – и я протянул ему свой аппарат. Мы как раз остановились на светофоре. Аркадий набрал номер. Его мобильник остался нем как рыба.

– Что за едрит твою? – удивился Аркадий. Он потыкал в кнопки еще раз, и его мобильник пронзительно заверещал. – Тьфу, твою мать! – плюнул Аркадий. – На, забирай.... Это я по ошибке Леркину трубу прихватил! Вот едрит..... Не, а?! Что за день?! Ну просто все сегодня через задницу!

Мы выскочили за МКАД. В свете фар кружились редкие снежинки и с отчаяньем штрафников кидались на лобовое стекло, чтобы погибнуть смертью храбрых под безжалостными кинжалами «дворников».

– Снег начинается, – сказал Аркадий. – И потеплело, сейчас градусов пятнадцать мороза. К утру обещали ноль – минус пять и обильный снегопад.

– Знаю! У меня целый день голова болит, – пожаловался я.

– Голова,... – хмыкнул Аркадий. – Тут, блин, завтра хрен проедешь вообще! Так что если ты домой собираешься именно завтра, то имей в виду, что раньше вечера дорогу не расчистят. Это, конечно, если снег к утру прекратится. А если он еще и днем будет идти, то хрен ты и вечером уедешь. Глухомань, едрит!

– Ничего, мне торопиться некуда! – беззаботно отозвался я. Рождественские праздники действительно были у меня абсолютно свободны.

В закрытом от ледяного ветра салоне я разомлел, и меня потянуло на беседу:

– Кстати, как там дела с поисками картины, купленной Элисом за сумасшедшие деньги? Аркадий ответил не сразу. А когда он все же открыл рот, его голос был сух и холоден:

– Я, конечно, знаю, что ты с хозяевами в давней дружбе. Но мой тебе совет: лучше с ними на эту тему не разговаривай.

– Почему? – удивился я.

– Мое дело дать совет, а ты уж смотри,... – уклончиво отозвался Аркадий.

* * *

К дому Карсавиных мы подъехали часам к семи вечера. Снегопад не усиливался, температура держалась около минус пятнадцати, и апокалиптический прогноз синоптиков о трехдневном снегопаде казался мрачной шуткой.

Дом Карсавиных находился километрах в пяти от поселка. Лет восемь тому назад именно такая удаленность от Москвы позволила Лехе Карсавину приобрести гектар земли в живописной местности почти задаром. Рядом проходила асфальтированная дорога к кирпичному заводу. Карсавины лишь слегка потратились на щебенку, чтобы засыпать метров пятьсот грунтовок до своего участка. А когда три года тому назад поблизости началось строительство коттеджного поселка, дорогу заасфальтировали. Цена на землю в этих местах за прошедшие годы выросла как минимум втрое и продолжала расти, так что вложение капитала получилось неплохое. Впрочем, Карсавины не просто вкладывали деньги в дом: они там жили.

Карсавиных я знал давно. Мы учились вместе в одном институте, в одной группе: я, Лешка Карсавин, его брат Коля и Ирка, которая тогда еще была не Карсавиной, а Сергеевой. Лешка поступил в институт только со второй попытки, поэтому оказался в одной группе с младшим братом. Алексея Карсавина все звали Элис. Это сейчас такое прозвище кажется женским, а лет двадцать пять тому назад оно было вполне естественным для Лехи – ярого поклонника таланта Элиса Купера. Его брата в компании ласково величали Николашей – с легкой руки Ирки, питавшей слабость к уменьшительно-ласкательным именам. Исключение составлял только я: Ирка долго подбирала для меня подходящее обращение. Это было нелегкой задачей.

Ирка, перебрав кучу вариантов, остановилась на простом и незатейливом – Славон. Так что все знакомые меня так и зовут: Слава или Славон.

Ирка и Элис поженились на пятом курсе, съездили в свадебное путешествие в Крым, после чего Элис отправился на сборы «за погонами». Мы с ним вместе служили в армии, потом работали на одном заводе. Когда завод приватизировали, то предприятие немедленно загопанизовало. Живи мы в Африке, обошлись бы набедренными повязками из бесплатных рекламных газет и жили припеваючи. Но климат родины Деда Мороза диктует свои правила. Поэтому Элис ушел в бизнес, а я в литературу. Элис успешно торговал стройматериалами в собственном магазине, а я торговал чужими книжками с чужого лотка.

Надо сказать, Элис вначале и не думал торговать стройматериалами. Поначалу он вместе с братом Николашей вытаскивал из старых, отданных под снос дворянских особняков дубовые двери, отчищал их от многолетних наслоений краски, реставрировал и за сумасшедшие деньги продавал «новым русским». Реставрация проходила на квартире у Элиса, двери продавались по объявлениям – потому и налогов никаких; короче, через год Элис открыл собственный магазин стройматериалов. Дела у Элиса шли хорошо, и даже роковой «черный август» 1998 года он умудрился преодолеть без заметных потерь. Виделись мы с ним редко, и лишь два раза в год я получал приглашение посетить дом Карсавиных: на день рождения Ирки – 26 июля – и на день рождения Элиса – 7 января.

Я, дурея от творческого безделья, стоял за лотком, пытался сочинять романы, но издательства упорно игнорировали мои творения. Потом я нашел хорошую работу по своей специальности инженера, но привычка писать осталась. А однажды мой бывший одноклассник Лева Розенблюм пообещал напечатать мое очередное творение в своем литературном журнале. Журнал тут же приказал долго жить, так и не предъявив читающей общественности ни одного номера, а Лева пристроился помощником режиссера, снимавшего какой-то сериал. Потом у продюсера вышла какая-то ссора с автором, по чьим произведениям был написан сценарий. Автор остановил съемки, затеяв судебный процесс. И тут расторопный Лева подsunул продюсеру мою истрепанную рукопись. Через неделю я встретился с продюсером в уютном особнячке на Рублевке. Он лениво полистал рукопись и коротко бросил:

– Читал. Неплохо. Типа Кристи, только в Москве. Сыро, конечно, но снимать будем. Сроки, батенька, сроки!

Я с радостью уступил ему право на экранизацию – как потом выяснилось, за сущие пустяки. Но сериал действительно сняли. И вскоре после того, как сериал показали по телевидению, двери издательств раскрылись передо мной, как разверзлась пещера перед Али-Бабой, сказавшим магическое «Сим-сим». Я ударился в эйфорию, уволился с работы, купил навороченный ноутбук и занялся литературным творчеством. Однако вскоре с удивлением обнаружил, что мой достаток несколько не вырос. Слухи о баснословных гонорарах оказались сильно преувеличены. Поэтому любое предложение об экранизации оказалось бы для меня весьма заманчивым. Вот почему последний звонок Элиса вызвал у меня прилив энтузиазма. Элис подтвердил приглашение на традиционное празднование Рождества – плюс его дня рождения

– и сообщил, что тот крупный бизнесмен и политик, якобы поклонник моего творчества, намеревается вложить деньги в съемки сериала. Естественно, грех было упускать такой шанс!

Имелась и еще одна причина, по которой я жаждал встречи с пресловутым бизнесменом. В моем распоряжении находилась семейная реликвия: пейзаж кисти художника Клодта. Как утверждало семейное предание, эту картину моей прабабушке подарил сам художник, поскольку семейство барона Клодта дружило с семейством Булгариных. Картина – вещь, безусловно, полезная, но отнюдь не в тесной, перенаселенной квартирке. И у меня возникло естественное желание – продать опостылевшую мне конуру в спальном районе и, пожертвовав семейной реликвией, добавить денег и купить достойный славного рода Булгариных загородный дом.

Элис сообщил мне, что этот бизнесмен не только спонсирует сериалы, но и собирает коллекцию русских передвижников и в силу этого, безусловно, заинтересуется пейзажем Клодта.

Дом Карсавиных был большой. Большой – но, на мой взгляд, слишком бестолковый. Треть гектара, отгороженная высоким кирпичным забором, а посередине – краснокирпичный двухэтажный дом, с мансардой и флигелем. Фасад от первого этажа до крыши прорезал трехгранный эркер, подобное окно-фонарь имелось и с противоположной стороны дома. Перед флигелем располагалась выложенная плиткой площадка, где гости парковали свои машины. С одной стороны ее ограничивал флигель, с другой – собственно дом. С третьей стороны в нее упиралась идущая от ворот дорога, а неподалеку располагалась отделенная кустами шиповника беседка, где летом жарили шашлыки и трапезничали. С четвертой стороны ее огибала дорога, ведущая за дом.

Сейчас площадка была сплошь забита машинами. Я без труда узнал вишневый «Nissan Almera» Николаши и выдавшую виды белую «ALFA 156 T-Spark», принадлежавшую Иркиному брату, Виктору. Черный джип и серебристая «БМВ» мне были неизвестны. Аркадий медленно разворачивался, с черепашей скоростью проползая мимо вольготно расположившихся на площадке иномарок, и мне удалось разглядеть незнакомые машины. Джип оказался «Cadillac Escalade», а «БМВ» – «525iA Comfort», причем обе тачки были довольно новыми.

Территорию участка Ирка и Элис обустроивали сами. То, что перед домом, – владения Ирки; все, что за домом, – Элиса. Соответственно, Иркина часть в летнее время утопала в цветниках и изящных деревьях, за беседкой располагался фонтанчик и раскинулся крохотный прудик в японском стиле, с декоративным мостиком и живописными валунами. На аккуратно подстриженных газонах стояли керамические гномы, лягушки и даже окрашенный под бронзу богатырь Самсон, злобно рвущий пасть несчастному льву. Фигурки, украшавшие клумбы, Ирке на день рождения дарили гости, и где-то среди моря цветов затерялись подаренные мною черепаха, толстомордый полосатый кот и парочка известных мультяшных персонажей: Знайка и Незнайка. Как сейчас помню: Знайка стоял в три раза дороже Незнайки – но вовсе не потому, что он, типа, умнее, а потому, что сметливые торгаши продавали его под именем Гарри Поттера.

На половине Элиса – кстати, в действительности она была больше Иркиной части – царил присущий его непредсказуемой натуре творческий беспорядок. Участок Элиса делила на две неравные части дорога, упирающаяся в задние ворота. В отличие от передних ворот, сзади не было будки охраны, и ворота эти открывались только тогда, когда на участок должен был проехать грузовик. На меньшей части располагался личный пруд Эллиса, где он успешно разводил раков к пиву и упорно пытался развести ершей для ухи, а также «реликтовая роща». Так Элис величал пару вековых дубов рядом с домом и заросли дикой малины между прудом и забором. На большей части территории размещались: недостроенный теннисный корт (и пребывал он таковым последние лет семь, с самого начала строительства) и неплохо оборудованное стрельбище. Там Элис и его гости любили поупражняться в стрельбе из пистолета по мишеням на дистанции двадцать пять метров.

Сейчас все кусты и цветники засыпал снег, фонтан отключили, пруды сковал лед, и лишь мрачный Самсон, стоя по колено в снегу, с упорством маньяка терзал обледеневшего льва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.